

DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-186-240

УДК 94(470.620)“1920/1932”:39

«МАССОВЫЕ ИСХОДЫ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: ОТ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ К ОТДЕЛЬНЫМ КЕЙСАМ

Аннотация. Данная дискуссия посвящена методологическим аспектам концепта «эмиграция/иммиграция» в общецивилизационном контексте. Феномен массового исхода понимается как ответ на глобальные изменения в мире, явившиеся результатом структурного кризиса государств или национальных катастроф (революция, война и т.п.). Участниками дискуссии поставлен ряд важных вопросов о волнах и этапах эмиграции/иммиграции в мире, причинах массовой социальной мобильности, ее особенностях. С опорой на широкую историческую базу и выводы новейшей историографии авторами обосновываются алгоритмы сохранения культурного, национального, правового, морального, этнического и религиозного кодов эмигрантов, их экономического уклада и политических предпочтений, алгоритмов психологических реакций на перемещение и новые условия размещения. В данном контексте важным представляется рассмотрение участниками дискуссии влияния мигрантов на национальную экономику, политические отношения культуру и другие сферы общественной жизни принимающих и транзитных государств.

Авторы ставят вопрос о том, можно ли типизировать массовые исходы, является ли справедливой постановка вопроса об уникальности каждого отдельно взятого кейса миграции на разных этапах мировой истории. Дискутантами рассматриваются трансформации, происходившие в странах эмиграции. Особо следует отметить постановку авторами вопросов, связанных с эффектами колониального сообщества, проницаемостью границ, культурной гибкостью и восприимчивостью как самих мигрантов, так и исторгающих и принимающих сообществ. Рассматривается основной состав массовых исходов: выделяются важнейшие социальные группы — религиозные и этнические (ирландские протестанты, евреи и т.д.), а также социальные страты (крестьяне, рабочие, интеллигенция). Авторами поставлена проблема эмиграции по профессиональному признаку (IT-специалисты) и определены причины данного явления. Особо выделены миграции XVIII–XXI вв., одной из важнейших движущих сил которых становятся политические убеждения, будь то якобитские идеи ирландцев, антисоветские взгляды эмигрантов XX в. или отношение к политике российского правительства в XXI в.

Важным аспектом размышлений участников дискуссии является сравнительный анализ процессов адаптации мигрантов, который Н.И. Герасимов называет «социальной хаотизацией». Под данным термином понимается ситуация, когда эмигранты не всегда размещаются в стране, в которой по отношению к ним разработаны правовые и моральные нормы. Урегулирование эмигрантского законодательства

приводит к упорядочению жизни диаспор, в ином же случае происходит либо адаптация вплоть до ассимиляции, либо заикливание диаспоральных практик, либо дальнейшее перемещение — в государства с наиболее благоприятными условиями для эмигрировавших граждан.

Авторы обращают внимание на реформы в армии во Франции XVII в., появление новых эмиграционных законов в правовой системе Америки, Германии, Австро-Венгрии в XIX–начале XX в., роль Нансеновского паспорта, а также изменения законодательства в сфере экономики в транзитных странах в XXI в. И.В. Крючков доказывает на основе статистических данных важную роль изменения законодательства в транзите эмигрантов и одновременно — роль последних в изменении социально-экономического развития стран-транзитеров. Н.А. Лагошина обосновывает влияние реформирования армии во Франции на изменение статуса ирландской диаспоры и исчезновение роялистской идентичности ирландской бригады. А.Г. Евстратов ставит вопрос о релокации как о феномене XXI в., который обладает признаками интернациональности, космополитизма и отличается намеренной «закрытостью»: сохранением эмигрантами своего образа жизни, быта и занятий. В связи с этим воздействие на социально-экономическую, культурную и политическую жизнь принимающих или транзитных стран также в итоге невелико.

Ключевые слова: эмиграция, иммиграция, массовый исход, репатриация, диаспора, Россия, эмиграционное законодательство.

Вопросы дискуссии:

1. Понятие «русская эмиграция» в историографии характеризует исторический феномен преимущественно через постановку вопроса об условиях, эффектах и последствиях массового исхода российской интеллигенции после глобальных катаклизмов, важнейшим из которых была Гражданская война. Можно ли проследить связь между эмиграцией/иммиграцией и массовыми исходами после глобальных потрясений в иных странах?
2. Возможно ли понимание феномена эмиграции/иммиграции в общецивилизационном контексте, как отражение трансформаций, происходящих в обществе и в судьбе отдельного человека на фоне кризисных периодов мировой истории?
3. Правомерно ли утверждать, что в истории отдельных судеб эмигрантов отражена история общества в целом? Каким образом эмигрантская повседневность повлияла на условия, эффекты и последствия взаимопроникновения культур и традиций «пришлых» людей и инородного для них общества?
4. Можно ли утверждать, что глобальные исходы оказали влияние на изменение представлений о культурной норме, о социальной справедливости, на переоценку системы координат «свой-чужой»?
5. Сохраняются ли общие причины и последствия эмиграции/иммиграции (и массовых миграций населения в целом) на разных этапах мировой истории в разных странах мира? Можно ли говорить об их типичности для государств и обществ разных эпох?

Участники дискуссии:

Герасимов Николай Игоревич, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына.

Лагошина Наталия Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет.

Крючков Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет.

Евстратов Антон Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент, Российско-Армянский (Славянский) университет.

Цитирование: Герасимов Н.И., Лагошина Н.А., Крючков И.В., Евстратов А.Г.
«Массовые исходы» как исторический феномен: от теории и методологии изучения к отдельным кейсам // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 2. С. 186–240.
DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-186-240 / Gerasimov N.I., Lagoshina N.A., Kryuchkov I.V., Evstratov A.G. "Exodus" as a Historical Phenomenon: from Theory and Methodology of Study to Individual Cases, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2024. No. 2. Pp. 186–240.
DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-186-240.

© Герасимов Н.И., Лагошина Н.А., Крючков И.В., Евстратов А.Г., 2024

“EXODUS” AS A HISTORICAL PHENOMENON: FROM THEORY AND METHODOLOGY OF STUDY TO INDIVIDUAL CASES

Abstract. This discussion is devoted to the methodological aspects of the concept of “emigration/immigration” in a general civilizational context. The phenomenon of exodus is understood as a response to global changes in the world resulting from a structural crisis of states or national catastrophes (revolution, war, etc.). The participants in the discussion raised a number of important questions about the waves and stages of emigration / immigration in the world, the causes of mass social mobility, its features. Based on a broad historical base and the conclusions of modern historiography, the authors substantiate algorithms for preserving the cultural, national, legal, moral, ethnic and religious codes of emigrants, their economic structure and political preferences, algorithms for psychological reactions to displacement and new accommodation conditions. In this context, it is important for the participants in the discussion to consider the impact of migrants on the national economy, political relations, culture, etc. of receiving and transit States.

The authors raise the question of whether mass outflows (“exoduses”) can be typified, and whether it is fair to raise the question of the uniqueness of each single isolated migration case at different stages of world history. Of particular note is the authors’ highlighting of evidence reflecting the transformations that took place in the countries of emigration, as well as raising questions related to the effects of the colonial community, the permeability of borders, cultural flexibility and receptivity of both migrants themselves and expelling and receiving communities. The composition of mass outflows is considered as the basis, among which the most important social groups are religious and ethnic (Irish Protestants, Jews, etc.), as well as social strata (peasants, workers, intellectuals), the problem of professional emigration (IT specialists) is posed and the causes of this phenomenon are determined. Migration of the 18th–21st centuries is highlighted, when one of the most important reasons becomes political: whether it is the Jacobite ideas of the Irish, the anti-Soviet ideas of emigrants of the 20th century, or the attitude to the policy of the Russian government in the 21st century.

An important aspect of the discussion participants’ reflections is a comparative analysis of the processes of adaptation of migrants, which N.I. Gerasimov calls “social chaos”. This term refers to a situation where emigrants are not always accommodated in a country in which legal and moral norms have been developed in relation to them. In the conditions of the emergence of legal legislation, the life of emigrants is regulated, otherwise either adaptation occurs up to assimilation, or the cycling of diasporic practices, or further relocation to states with the most favorable conditions for emigrated citizens.

The authors draw attention to the reforms in the army in France of the 17th century, the emergence of new emigration laws in the legal system of America, Germany, Austria-Hungary in the 19th – early 20th centuries, the role of the Nansen passport, as well as

changes in legislation in the field of economics in transit countries in the 21st century. I.V. Kryuchkov proves on the basis of statistical data the important role of legislative changes in the transit of emigrants and, at the same time, the role of the latter in changing the socio-economic development of transit countries. N.A. Lagoshina substantiates the impact of the reform of the army in France on the change in the status of the Irish diaspora and the disappearance of the royalist identity of the Irish brigade. A.G. Evstratov raises the question of relocation as a phenomenon of the 21st century, which has signs of internationalism, cosmopolitanism and is characterized by deliberate "closeness": the preservation of their way of life, lifestyle and occupations by emigrants. In this regard, the impact on the socio-economic, cultural and political life of the host or transit countries is also small in the end.

Keywords: emigration, immigration, exodus, repatriation, diaspora, Russia, emigration legislation.

Discussion questions:

1. The concept of "Russian emigration" in historiography characterizes the historical phenomenon mainly through raising the question of the conditions, effects and consequences of the mass exodus of the Russian intelligentsia after global cataclysms, the most important of which was the Civil War. Is it possible to trace the link between emigration/immigration and mass initial after global upheavals in other countries?
2. Is it possible to understand the phenomenon of emigration/immigration in a general civilizational context, as a reflection of the transformations taking place in society and in the fate of an individual against the background of crisis periods in world history?
3. Is it legitimate to assert that the history of individual destinies of emigrants reflects the history of society as a whole? How did emigrant daily life affect the conditions, effects and consequences of the interpenetration of cultures and traditions of "alien" people and a society foreign to them?
4. Can it be argued that global outcomes have influenced the change in ideas about cultural norms, social justice, and the "friend-foe" coordinate system?
5. Do the common causes and consequences of emigration/immigration (and mass migrations of the population as a whole) persist at different stages of world history in different countries of the world? Is it possible to talk about their typicality for states and societies of different eras?

Discussants:

Gerasimov Nikolai I., Candidate of Science (Philosophy), leader researcher, Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad.

Lagoshina Natalia A., Candidate of Science (History), Associate Professor, Southern Federal University.

Kryuchkov Igor V., Doctor of Sciences (History), Professor, North Caucasus Federal University.

Evstratov Anton G., PhD in history, Associate Professor, Russian-Armenian (Slavonic) University.

DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-192-201

УДК 930.85

ИСТОРИЯ ЭМИГРАЦИИ: УНИКАЛЬНОЕ И ТИПИЧНОЕ В ФЕНОМЕНЕ МАССОВОГО ИСХОДА

Герасимов Николай Игоревич

Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына,

Москва, Россия

nickgerasimow@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются дискуссионные вопросы, связанные с феноменом эмиграции и феноменом исхода как массовой эмиграции, который исторически был связан с серией катастрофических событий, вызванных глобальным сломом прежних традиций и норм (революция, война и т.д.). Исторические и социологические исследования позволяют говорить о миграционных процессах как об отражении глобальных цивилизационных явлений (кризис международного права, кризис национальных государств и т.д.). Автор статьи с опорой на богатую историю массовых исходов XX в. отстаивает тезис — эмиграция является типичным явлением, которое наблюдается во всем мире, однако говорить об общих алгоритмах миграционных процессов невозможно. Когда мы анализируем каждый случай эмиграции, мы всегда имеем дело с большим количеством культурных и политических обстоятельств, которые по своей природе уникальны и исторически обусловлены. Современный исследователь имеет дело с разными культурами эмигрантов, а не с эмиграцией как чем-то культурно универсальным, типичным. Вместе с тем справедливо заметить, что в ситуации, когда исход обусловлен масштабным государственным кризисом, многие его свойства становятся универсальными и типичными (характер психологических переживаний беженцев, скорость самого потока миграции и т.д.).

Ключевые слова: эмиграция, русская эмиграция, исход, революция, русская диаспора, русское зарубежье, русская философия, русский фашизм.

Цитирование: Герасимов Н.И. История эмиграции: уникальное и типичное в феномене массового исхода // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 2. С. 192–201. DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-192-201 / Gerasimov N.I. History of Emigration: the Unique and Typical in the Phenomenon of Mass Exodus, in Novoe Proshloe / The New Past. 2024. No. 2. Pp. 192–201. DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-192-201.

© Герасимов Н.И., 2024

HISTORY OF EMIGRATION: THE UNIQUE AND TYPICAL IN THE PHENOMENON OF MASS EXODUS

Gerasimov Nikolay I.

Alexander Solzhenitsyn's House of Russian Abroad,
Moscow, Russia
nickgerasimow@yandex.ru

Abstract. The article deals with the discussion issues related to the phenomenon of emigration and the phenomenon of exodus as mass emigration, which historically has been associated with a series of catastrophic events caused by the global breakdown of previous traditions and norms (revolution, war, etc.). Historical and sociological studies allow us to talk about migration processes as a reflection of global civilizational phenomena (crisis of international law, crisis of nation-states, etc.). The author relying on the rich history of mass exoduses of the 20th century defends the thesis – emigration is a typical phenomenon that is observed all over the world, but it is impossible to talk about general algorithms of migration processes. When we analyze each case of emigration, we always deal with many cultural and political circumstances, which by their nature are unique and historically conditioned. The contemporary researcher deals with different cultures of emigration rather than with emigration as something culturally universal and typical. At the same time, it is fair to note that in a situation where the exodus is conditioned by a large-scale state crisis, many of its properties become universal and typical (the nature of refugees' psychological experiences, the speed of the migration flow itself, etc.).

Keywords: emigration, Russian emigration, exodus, revolution, Russian diaspora, Russian abroad, Russian philosophy, Russian fascism.

Специфические «волны» эмиграции происходили нередко в отрыве от глобальных потрясений. Обратив свой взор в сторону социологических исследований миграции, мы обнаружим поразительное многообразие исторических обстоятельств, которые «активировали» эти явления. В том, что люди массово покидают страну, легче найти различия, чем сходства. Справедливо говорить о разных культурах эмиграции. Например, в 1912 г. китайско-американский социолог П. Лин (Ling) выяснил, что причины, побуждающие людей покинуть свою страну, сильно разнятся в зависимости от того, говорим мы о Европе или Азии [Ling, 1912, pp. 74–76]. В частности, из Китая в 1890–1910 гг. люди большими социальными группами покидали страну, переезжая в Европу и США, прежде всего в надежде получить работу, за которую им будут платить больше, чем на родине (в США в те годы была огромная потребность в рабочих руках в связи с развитием системы железных дорог и модернизацией в сфере металлургии). Эти потоки трудовой эмиграции исходили из отдельных регионов, а не из Китая как единого целого. В Западной Европе сильнейшим фактором эмиграции (в тот же исторический период) были политические репрессии и религиозные конфликты. Поток эмигрантов из европейской страны, как правило, не зависел от региона. В Российской империи сильнейший фактор эмиграции — это не только политические репрессии и религиозные конфликты, но и еврейские погромы. Последнее обстоятельство и вовсе позволило родиться такому явлению, как трудовая русско-еврейская диаспора в США [Horowitz, 2013, pp. 17–35]. Сила эмиграционных процессов в этот период была высокой во многих странах, хотя никакой глобальной социально-политической катастрофы не происходило (при том, что шли войны, власть во многих странах тоже менялась).

В ситуации коллапса существующее явление многократно усиливается, хотя и вызывается другими причинами. Массовый исход не возникает на пустом месте, а является продолжением уже сложившейся культуры эмиграции (например, некоторые русские революционеры до и после 1917 г. использовали одни и те же личные связи для организации своих передвижений из Российской империи в США, из США в РСФСР и из РСФСР в США)¹. Безусловно, исход предполагает качественно новый уровень причин, побуждающих людей покинуть страну (распад государства, война, революция, приход к власти радикальных политических сил и т.д.). В таком случае национальная специфика эмиграционных процессов, как показывают исторические штудии, стремительно снижается. Уже здесь можно говорить о неких универсальных свойствах. Говорим ли мы тут о геноциде армян в Османской империи и Армении в 1915–1928 гг. [Пеньковский, Аратюнян, 2015], о революционных событиях 1917 г. в России с последующей Гражданской войной в 1918–1922 гг. или о политических репрессиях в Третьем Рейхе в 1930-е гг. — одни люди бегут от угрозы погибнуть, других власти депортируют насильственно, но во всех случаях присутствуют схожие психологические переживания у социальных групп огромной численности (прежде всего, переживания, связанные с потерей

¹ Например, революционер и эмигрант С.М. Стоцкий (1889–1951) [Анархистские движения, 2021, с. 774]

прежнего уклада вещей). Однако и тут есть разница. И для исхода армян, и для исхода бывших подданных Российской империи была предпринята единая европейская кампания по разработке юридической базы для беженцев, результатом которой стал Нансеновский паспорт [Пеньковский, Аратюнян, 2016; Баркова, 2017]. Немцы не могли надеяться на такой гуманизм, т.к. их случай с юридической точки зрения не рассматривался как глобальное потрясение [Левин, 2010].

В мировой истории еще до рубежа XIX–XX вв. были события, которые приводили к тому, что сперва европейские, а потом и азиатские цивилизации вступали в новую эру, когда правовые и моральные нормы эмиграции претерпевали изменения. Да, эти события обязательно провоцировали не только тектонические сдвиги в области политики, культуры и морали, но и новый исход, массовое бегство из страны. Самый яркий пример: Французская революция 1789–1799 гг., в результате которой разные слои общества, прежде всего аристократы, хаотично покидали страну в надежде получить политическое убежище в других государствах [Kramer, 2022]. Российская империя всегда позиционировала себя на мировой арене как страна, которая стоит на страже монархических традиций. Русское правительство охотно принимало у себя эмигрантов из Франции [Coker, 2020, pp. 47–76].

Однако именно с конца XIX в. — и особенно в начале XX столетия — социальная мобильность во всем мире многократно возросла. Революции 1848–1849 гг. потрясли Европу, но их последствия не оформились в целостный феномен массового исхода. События же XX в. создали алгоритм психологической реакции людей на вызовы, которые бросает история: если происходит что-то ужасное, от этого нужно бежать. Возникает вопрос: почему французы не бежали так массово из страны после отречения короля Луи-Филиппа I? Только лишь потому, что сама культура эмиграции (правовая, моральная и т.д.), которая сложилась к концу XIX в., еще «не созрела» и уровень социальной мобильности был еще крайне низким? Нет. В XX в. произошло то же, что и в 1789–1799 гг.: помимо фундаментальных изменений в культуре и политике, террор стал универсальным средством решения социальных конфликтов. В XVIII в. этим была отмечена одна только Франция, в начале XX в. к ней присоединились Россия, Османская империя и Армения, к 1930-м гг. — Германия. Государственный террор и высокая социальная мобильность — два фактора, определявшие алгоритмы массовых исходов, массовых эмиграций в ответ на те процессы, которые происходили в мировой истории. Также важно помнить, что массовый исход предполагает, что события развиваются очень быстро. В 1914–1917 гг. французы покидали страну, но это был не «бег» [Horne, 1985]. По сравнению, например, с феноменом Русского исхода 1920 г., когда помимо частей армии генерала Врангеля эвакуировались также и гражданские лица, французы покидали дома поступательно, лучше взвешивая свое решение, потому что сами по себе события не были настолько быстрыми.

Массовая эмиграция всегда связана с социальной хаотизацией — люди ищут способ найти убежище в стране, где по отношению к ним не всегда разработана необходимая юридическая и социально-экономическая база. Эмигранты, как правило,

решают свои насущные дела в индивидуальном порядке. Исходные условия у каждого из них очень разные, даже в пределах одной социальной группы. Представители одной и той же профессиональной эмигрантской ассоциации (например, Русская академическая группа в США) часто обладали разным уровнем материального достатка и политического капитала, поэтому трудности одного ученого-эмигранта могли пересекаться с трудностями другого ученого-эмигранта лишь отчасти. Например, Б.А. Бахметьев, один из основателей Русской академической группы в США, начал свой путь эмигранта с огромным политическим капиталом. В 1917 г. Временным правительством он был назначен «начальником чрезвычайной российской миссии в США» [Даниленко, 2010, с. 356]. Разумеется, в последующем, когда Временное правительство пало в результате октябрьских событий, а сам Бахметьев стал эмигрантом, отношение американских властей к нему было особым. Никто из его коллег даже близко не обладал теми знакомствами и финансовыми ресурсами, которые были у него. По судьбе Бахметьева вряд ли можно судить о судьбе других ученых-эмигрантов, тем более видеть в его биографии отражение истории русского общества в целом. Это часть отражения, да, но лишь небольшой фрагмент.

Эмигранты всегда несут в себе национальный культурный код. Он может выражаться по-разному: как в повседневности, так и в интеллектуальной культуре. Диаспора нередко становится источником тесного культурного диалога с тем обществом, внутри которого существует. Некоторым русским философам во Франции повезло встать у истоков крупнейших интеллектуальных течений. Например, Н.А. Бердяев и Л.И. Шестов привлекли к себе внимание Э. Мунье и Ж. Маритена [Герасимов, 2019, с. 72–76; Ворожихина, 2016]. Диалог между русскими и французскими мыслителями привел сперва тому, что в 1930 г. на свет появился философский персонализм, а в последующем и экзистенциализм. Впрочем, известны случаи, когда эмигранты намеренно разрывали свою связь с национальной почвой, желая как можно сильнее раствориться в культуре той страны, где они нашли для себя новый дом. Хороший пример: Г.Д. Гурвич, социолог права, преподаватель Русского юридического факультета в Праге (1922–1929) в 1929 г. получил французский паспорт, переехал в Париж, и уже к 1935 г. стал подписывать свои работы как «Georges Gurvitch» [Герасимов, 2017]. Стратегии поведения у всех были очень разными. Кто-то, как Бердяев и Шестов, хотел выстраивать диалог посредством столкновения своего национального кода с культурной традицией, которая существовала в стране, где им дали убежище. Кто-то, как Гурвич, работал в контексте общемировой научной культуры, не стремясь подчеркивать свою этническую идентичность.

Глобальные исходы подтолкнули человечество к более интенсивному международному сотрудничеству. До начала XX в. границы колониальных норм были крепки. Европейские метрополии хоть и были подвержены внутренним социальным противоречиям, но эти конфликты не приводили к слому существовавшего цивилизационного порядка. Исходы, волны массовой эмиграции, вызванные глобальными

потрясениями, привели к тому, что диаспор в каждой стране стало так много, что говорить о национальном государстве становилось все труднее и труднее. Национализм пытался преодолеть эти процессы посредством усиления дихотомии «свой-чужой». Он пытался отстоять принцип культурного диалога, при котором нации обогащали бы друг друга новыми знаниями, но не приводили к транснациональным явлениям (в 1940–1950-е гг. философы Франкфуртской школы введут понятие «массового общества»). В итоге этот принцип усугубил ксенофобию и обострил все этнические конфликты. На свет появился фашизм.

Фашизм в 1920–1930 гг. очаровывал тем, что обещал защитить прежние устои любой ценой. Он создавал новую нормативную базу, новую этику ценой разрыва с гуманистическими идеалами. Это касается не только правительственного фашизма, но и фашизма, который господствовал в среде эмигрантов. Например, далеко не все спасшиеся от большевистского террора русские беженцы были готовы выстраивать диалог с мировым сообществом, руководствуясь гуманистической этикой, предполагающей равноправие и единство всех людей, независимо от их национальной принадлежности. В 1931 г. в Харбине русскими эмигрантами была создана Всероссийская фашистская партия (ВФП). Руководство партии готовилось к конфронтации с японскими властями. К тому времени Япония успела создать марионеточное правительство Маньчжоу-Го, добиться геополитического влияния в странах Азии и диктовать свою волю, свои условия, правила, законы. Однако, на удивление, японские милитаристы и русские фашисты смогли найти общий язык — в том числе через неприятие гуманизма и глобалистских тенденций, которые уже намечались к тому времени [Захаров, 2020]. Всероссийская фашистская партия не была притеснена. Фашистские группы и партии в 1920–1930-е гг. создавались по всему миру, почти во всех странах. Дело не только в угрозе со стороны большевистского коммунизма, как это часто полагают. Дело в том, что мир демократических стран не справлялся вызовами истории. Массовые исходы показали, что мир слаб, что мир не способен преодолеть все накопившиеся противоречия в области международного права и международной политики. Фашизм предлагал модель мира, в котором сильные национальные государства выработают жестокие, но эффективные решения всех проблем [Сох, 2011]. Люди, верящие в фашизм, полагали, что эта идеология сможет решить множество проблем.

Социальные и политические катастрофы в принципе ведут к поляризации многих явлений (в культуре, политике, экономике и т.д.), а массовые исходы всегда бросают человеческой цивилизации вызов — справятся ли люди в принятии друг друга, будет ли выработана какая-то система сдержек и противовесов, которая будет способна побороть ксенофобию, или нас ждет череда жестоких конфликтов, приводящих к насилию как единственному способу решения проблем. Сейчас антиэмигрантские настроения в обществе — козырь в руках правых радикалов.

Пока можно зафиксировать лишь один универсальный тезис по поводу эмиграции — независимо от того, о каком историческом периоде мы говорим, люди склонны покидать страну, когда им живется плохо, когда они боятся за свою жизнь.

Отрицательные причины могут быть очень разными: война, революция, голод, политические репрессии. Положительные причины, как правило, сводятся к одному — люди узнают, что в мире есть место, где, как им кажется, они будут жить лучше, чем у себя на Родине. Когда мы говорим об исходах, то закономерно приходим к выводу, что отрицательные причины эмиграции в основном играют куда большую роль, чем положительные.

Однако не всегда можно уехать оттуда, где плохо, туда, где хорошо. В зависимости от эпохи и специфики государства важнейший фактор, определяющий характер эмиграции — государственные границы. Если границы де-факто отсутствуют, а в стране хаос, террор и голод — поток эмигрантов будет огромным. Если террор и голод есть, а границы охраняются, то эмиграции может и не быть. Поток эмигрантов из СССР в 1920-е гг. был огромным. В 1930-х гг. он стремительно сходил на нет. Война — тоже фактор эмиграции. В первую очередь по той причине, что война разрушает прежний порядок государственных границ. Вторая массовая волна эмиграции из СССР совпадает с катастрофическим периодом 1941–1945 гг. Третья волна связана с послаблениями в отношении советской миграционной политики в период 1960–1980-х гг. Эта волна была легальная, упорядоченная, ее трудно связать с булгаковским «бегом». Четвертая волна эмиграции, начавшаяся в 1991 г. после крушения СССР — вновь легальная, но уже в атмосфере открытых границ [Пальников, 2013]. Она проясняет важнейшую специфику эмиграции из СССР. Люди, покидавшие страну, совершали экзистенциальный выбор (о депортированных же так сказать трудно, потому что это был не их выбор, а выбор властей). Они понимали, что обратно могут никогда не вернуться. Эмигранты 1990-х гг. не совершали никакого экзистенциального выбора. Они могли уехать, вернуться и снова уехать, не соприкасаясь ни с какими философскими проблемами.

В эмиграционных процессах больше специфического, чем универсального. Каждая массовая эмиграция — отражение конкретных проблем в конкретных обществах. Эти проблемы могут быть глобальными, они могут быть связаны с катастрофами мирового масштаба, но в них всегда будет больше уникального, чем типичного.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Анархистские движения России и Русского Зарубежья: Документы и материалы. 1922–1941 гг. Сост. Д.И. Рублев. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 807 с.

Баркова О.Н. Модель правой адаптации российских эмигрантов «Первой после-революционной волны» в Германии: к вопросу о закреплении принципа особого положения *Sui Generis*. 1917–1939 годы // *Вестник Московского университета*. Серия 26: Государственный аудит. 2017. № 4. С. 87–95.

Ворожихина К.В. Лев Шестов и его французские последователи. М.: ИФРАН, 2016. 157 с.

Герасимов Н.И. Николай Бердяев, 1874–1948. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2019. 96 с.

Герасимов Н.И. Русский юридический факультет в Праге // *Финиковый компот*. 2017. № 1. С. 136–141.

Даниленко О.С. Бахметевский архив: история создания, основные коллекции, современное состояние // *Документ. Архив. История. Современность*. 2010. № 11. С. 352–354.

Захаров А.А. Генезис и особенности развития Всероссийской фашистской партии // *Великая Отечественная война в памяти поколений. Сборник материалов международной научно-практической конференции*. Под ред. Д.П. Самородова. Стерлитамак: Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал. 2020. С. 133–140.

Левин В.И. Наука в Германии при нацистах // *Вестник Тамбовского государственного технического университета*. 2010. Т. 16. № 1. С. 199–204.

Пальников М.С. Четвертая волна эмиграции: особенности и последствия // *Русское зарубежье: история и современность*. Вып. 2. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 253–376.

Пеньковский Д.Д., Арутюнян А.С. Помощь гуманитарных организаций в правовой адаптации армянских беженцев во Франции (1918–1938 гг.) // *Вестник Национального Института Бизнеса*. 2016. № 25. С. 84–92.

Пеньковский Д.Д., Арутюнян А.С. Эмиграция армянского населения из Турции и Армении в страны Европы в 1915–1928 гг. // *Власть*. 2015. № 8. С. 196–200.

Coker A. *Russia's French Connection: A History of the Lasting French Imprint on Russian Culture*. New York: Routledge, 2020. 370 p.

Cox O. Race Prejudice, Class Conflict, and Nationalism // *Race/Ethnicity: Multidisciplinary Global Contexts*. 2011. Vol. 4. No. 2. Pp. 169–182.

Horne J. Immigrant workers in France during World War I // *French Historical Studies*. 1985. Vol. 14. No. 1. Pp. 55–88.

Horowitz B. *Russian Idea—Jewish Presence: Essays on Russian-Jewish Intellectual Life. Essays on Russian-Jewish Intellectual Life (Borderlines: Russian and East European-Jewish Studies)*. Boston: Academic Studies Press, 2013. 270 p.

Kramer L. Émigrés and Migrations during the French Revolution: Identities, Economics, Social Exchanges, and Humanitarianism // *Historical Reflections*. 2022. Vol. 48. No. 3. Pp. 1–8.

Ling P. Causes of Chinese Emigration // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 39. China: Social and Economic Conditions, 1912. Pp. 74–82.

REFERENCES

- Anarkhistskie dvizheniya Rossii i Russkogo Zarubezh'ya: Dokumenty i materialy. 1922–1941 [Anarchist Movements in Russia and the Russian Diaspora: Documents and Materials. 1922–1941]. Ed. by D.I. Rublev. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2021. 807 p. (in Russian).
- Barkova O.N. Model' pravoï adaptatsii rossiiskikh emigrantov «Pervoi poslerevolutsionnoi volny» v Germanii: k voprosu o zakreplenii printsipa osobogo polozeniya Sui Generis. 1917–1939 gody [The Model of Right Adaptation of Russian Emigrants of the «First Post-Revolutionary Wave» in Germany: Toward the Establishment of the Principle of Special Sui Generis Status. 1917–1939], in Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 26: Gosudarstvennyi audit. 2017. No. 4. Pp. 87–95 (in Russian).
- Vorozhikhina K.V. Lev Shestov i ego frantsuzskie posledovateli [Leo Shestov and his French followers]. Moscow: IFRAN, 2016. 157 p. (in Russian)
- Gerasimov N.I. Nikolai Berdyaev, 1874–1948. [Nikolay Berdyaev, 1874–1948]. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna, 2019. 96 p. (in Russian).
- Gerasimov N.I. Russkii yuridicheskii fakul'tet v Prage [Russian Faculty of Law in Prague], in Finikovyi komp. 2017. No. 1. Pp. 136–141 (in Russian).
- Danilenko O.S. Bakhmetevskii arkhiv: istoriya sozdaniya, osnovnye kollektzii, sovremennoe sostoyanie [Bakhmetev Archive: history of creation, main collections, current status], in Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'. 2010. No. 11. Pp. 352–354 (in Russian).
- Zakharov A.A. Genezis i osobennosti razvitiya Vserossiiskoi fashistskoi partii [Genesis and peculiarities of development of the All-Russian Fascist Party], in Velikaya otechestvennaya voina v pamyati pokolenii. Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [The Great Patriotic War in memory of the generation. Collection of materials of the international scientific and practical conference]. Ed by D.P. Samorodova. Sterlitamak: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet, Sterlitamaskii filia, 2020. Pp. 133–140 (in Russian).
- Levin V.I. Nauka v Germanii pri natsistakh [Science in Germany under the Nazis], in Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2010. Vol. 16. No. 1. Pp. 199–204 (in Russian).
- Pal'nikov M.S. Chetvertaya volna emigratsii: osobennosti i posledstviya, in Russkoe zarubezh'e: istoriya i sovremennost' [The fourth wave of emigration: peculiarities and consequences]. Vol. 2. Moscow: INION RAN. 2013. Pp. 253–376 (in Russian).
- Pen'kovskii D.D., Arutyunyan A.C. Pomoshch' gumanitarnykh organizatsii v pravovoi adaptatsii armyanskikh bezhentsev vo Frantsii (1918–1938 gg.) [Assistance of humanitarian organizations in the legal adaptation of Armenian refugees in France (1918–1938)], in Vestnik Natsional'nogo Instituta Biznesa. 2016. No. 25. Pp. 84–92 (in Russian).
- Pen'kovskii D.D., Arutyunyan A.C. Emigratsiya armyanskogo naseleniya iz Turtsii i Armenii v strany Evropy v 1915–1928 gg. [Emigration of the Armenian population from Turkey and Armenia to European countries in 1915–1928], in Vlast'. No. 8. 2015. Pp. 196–200 (in Russian).

Coker A. Russia's French Connection: A History of the Lasting French Imprint on Russian Culture. New York: Routledge. 2020. 370 p.

Cox O. Race Prejudice, Class Conflict, and Nationalism, in Race/Ethnicity: Multidisciplinary Global Contexts. 2011. Vol. 4. No. 2. Pp. 169–182.

Horne J. Immigrant workers in France during World War I, in French Historical Studies. 1985. Vol. 14. No. 1. Pp.55–88.

Horowitz B. Russian Idea--Jewish Presence: Essays on Russian-Jewish Intellectual Life. Essays on Russian-Jewish Intellectual Life (Borderlines: Russian and East European-Jewish Studies). Boston: Academic Studies Press, 2013. 270 p.

Kramer L. Émigrés and Migrations during the French Revolution: Identities, Economics, Social Exchanges, and Humanitarianism, in Historical Reflections. 2022. Vol. 48. No. 3. Pp. 1–8.

Ling P. Causes of Chinese Emigration, in The Annals of the American Academy of Political and Social Science. China: Social and Economic Conditions. 1912. Vol. 39. Pp. 74–82.

Статья принята к публикации 19.04.2024

DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-202-215

УДК 94 (415)

ИРЛАНДСКИЕ ВОЕННЫЕ В БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА: ИЗМЕНЧИВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Лагошина Наталия Анатольевна

Южный федеральный университет,

Ростов-на-Дону, Россия

lagoshina@sfedu.ru

Аннотация. В статье исследуется положение ирландских военных, эмигрировавших из Франции в Великобританию, происхождение ирландской бригады и идентичность ирландских католиков в конце XVIII в. Анализ источников показывает, что ослабление ирландских связей с якобитами и восстановление католических джен-три в правах способствовало возвращению мигрантов на родину и их постепенной интеграции в социально-политические структуры. Создание ирландской бригады под командованием франко-ирландских офицеров в 1790-х гг. являет собой поворотный момент в политике британского правительства, которое стремилось обрести поддержку католического большинства Ирландии. Трудности, с которыми пришлось столкнуться при создании бригады, отражают негативное отношение колониального сообщества к католикам. Автор приходит к выводу о том, что формирование бригады ирландских католиков – важное событие в истории Ирландии, знаменующее зарождение традиции службы в британских вооруженных силах. Культурная гибкость и восприимчивость к изменениям позволили католикам интегрироваться в британскую общность.

Ключевые слова: британская армия, ирландская бригада, якобиты, Карательные законы, идентичность ирландских католиков.

Цитирование: Лагошина Н.А. Ирландские военные в Британской империи в конце XVIII века: изменчивая идентичность // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 2. С. 202–215. DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-202-215 / Lagoshina N.A. The Irish Soldiers in the British Empire in the 18th Century: Shifting Identities, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2024. No. 2. Pp. 202–215. DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-202-215.

© Лагошина Н.А., 2024

THE IRISH SOLDIERS IN THE BRITISH EMPIRE IN THE 18TH CENTURY: SHIFTING IDENTITIES

Lagoshina Natalia A.

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
lagoshina@sfedu.ru

Abstract. The article examines the situation of the Irish military who emigrated from France to the UK, the origin of the Irish brigade and the identity of Irish Catholics at the end of the 17th century. An analysis of the sources shows that the weakening of Irish ties with the Jacobites and the restoration of Catholic gentry rights contributed to the return of migrants to their homeland and their gradual integration into socio-political structures. The creation of an Irish brigade under the command of French-Irish officers in the 1790s. It represents a turning point in the policy of the British government, which sought to gain the support of the Catholic majority in Ireland. The difficulties encountered in creating the brigade reflect the negative attitude of the colonial community towards Catholics. The author concludes that the formation of the Irish Catholic brigade is an important event in the history of Ireland, marking the birth of the tradition of service in the British armed forces. Cultural flexibility and receptivity to change have allowed Catholics to integrate into the British identity.

Keywords: British Army, Irish Brigade, the Jacobites, Penal Laws, Irish Catholic identity.

В начале 1790-х гг. после столетия изоляции, вызванной Карательными законами, католики в Ирландии вновь получили официальное разрешение на ношение оружия и службу в британских вооруженных силах. Снятие этих ограничений стало важным шагом на пути к эмансипации католиков, а также обеспечило Британию рабочей силой, которая до этого времени использовалась неофициально. Новый виток миграции затронул ирландские диаспоры в странах континентальной Европы, позволив ирландским католикам уйти от традиции «диких гусей» — поступления на службу в католические армии Франции и Испании. Несмотря на уникальное политическое и военное значение ирландских формирований в Британской армии, исследования в данной области носят обобщающий характер. Большинство работ зарубежных авторов посвящены переселению и адаптации ирландских военнослужащих во Франции [McGarry, 2013], миграции ирландцев в Испанию [Cagigal, 2018] либо Вест-Индию [Quintanilla, 2009]. Особое внимание уделяется идентичности ирландских военных, родившихся во Франции и мигрировавших обратно на Британские острова. Причины их возвращения на родину после длительной службы в католических странах вызывают большой интерес среди зарубежных историков, исследующих изменчивую природу идентичности «диких гусей». По мнению британского историка Л. Колли, в обширной британской идентичности, пропитанной англиканским духом и чувством оппозиции Франции, не нашлось места ирландским католикам, глубоко преданным католицизму и якобитским идеям [Colley, 1992, p. 8]. При этом не учитывается опыт многих ирландских католиков, которые поступали на британскую службу во время Французской революции и Наполеоновских войн. Интересно, что исследование ирландской диаспоры и связей между ирландцами по всему миру все более актуализируется зарубежными историками. В 2022 г. в Лимерике в рамках конференции [Wild Geese..., 2022], посвященной опыту ирландских мигрантов в Европе раннего Нового времени, обсуждались такие проблемы, как переосмысление связей ирландской диаспоры в Испанской Америке в конце XVIII в., влияние Французской революции на идентичность ирландских военных, предубеждения к ирландцам во французском обществе, положение ирландских женщин и детей «в изгнании». Исследовались способы интеграции ирландцев в странах Западной Европы, степень их вовлеченности в административные структуры, сохранение общинных связей и родственных отношений между мигрантами из разных стран.

В настоящем исследовании изучается становление ирландской бригады на британской службе, ее политическое значение в контексте католической реформы в Великобритании и Ирландии конца XVIII в. Применение транснационального подхода позволяет рассмотреть идентичность ирландских католиков в широком общеевропейском контексте, изучить факторы, которые повлияли на ее трансформацию. Мемуары и личная переписка ирландских военных позволяют воссоздать настроения католиков после эмиграции из Франции, особенности службы в Вест-Индии и отношения с британским правительством. Сочинения британских политических деятелей, в свою очередь, демонстрируют отношение к военным-католикам со стороны членов колониального сообщества.

Для понимания идентичности ирландских военных необходимо осветить процесс создания ирландской бригады и ее бытность во Франции. Формирование диаспоры ирландских военных уходит корнями в XVII столетие, когда после свержения католического короля Якова II в результате «Славной революции» ирландские подданные монарха последовали за ним в страны континентальной Европы. В конце 1680-х гг. французский король Людовик XIV поддержал своего двоюродного брата Якова II в неудачной попытке восстановить контроль над Великобританией и Ирландией. В знак благодарности за его поддержку Яков в 1689 г. отправил во Францию несколько ирландских полков для службы во французской армии. В 1690-х гг. к этим полкам присоединились солдаты из разгромленной армии Якова, сформировав ирландскую бригаду во Франции [Murphy, 2007, pp. 10–30].

Приверженность ирландских католиков якобитским идеям была обусловлена преданностью династии Стюартов с 1603 г. и стремлением восстановить титулы и утраченные земли. Карательные законы, последовавшие за победой Вильгельма III, серьезно ограничили права ирландской аристократии и католических джентри. Им было запрещено вступать в британскую армию, носить оружие, занимать судебные и административные должности. Кроме того, земельные владения, принадлежащие ирландской знати, были распределены между новыми протестантскими собственниками. Часть ирландских католиков смогла адаптироваться к новым политическим условиям, став агентами по недвижимости и укрепляя связи с англичанами. Католические посредники, ставшие связующим звеном между протестантскими землевладельцами и низшим слоем католических арендаторов, сохраняли свое привилегированное положение и имели большое влияние среди местных общин у себя на родине [Лагошина, 2020, с. 90]. Однако неполная правоспособность затрудняла процесс наследования и распоряжения собственностью, резко ограничивала политические права. Некоторые семьи посредников стремительно разорялись, не имея возможности поддерживать образ жизни, характерный для знати. Отправление сыновей на службу в европейские армии стало одним из способов восстановить земельную собственность и сохранить престиж аристократических семей. В результате многие ирландцы были приняты на службу в католические армии стран Западной Европы, главным образом во Францию и Испанию, сформировав полки «диких гусей» [Genet-Rouffiac, 2009, pp. 32–37].

В то же время некоторые ирландцы продолжали служить в британской армии, но открыто не заявляли о своей религии [Karsten, 1983, p. 56]. Кроме того, в периоды повышенного спроса на военную силу, например, во время Семилетней войны 1756–1763 гг., британские власти активно принимали ирландских католиков в ряды новобранцев, хотя и неофициально [Guy, 1997, p. 219]. Несмотря на то, что ограничения в отношении католиков не были реализованы в полной мере, британские власти не были готовы официально принимать ирландцев в вооруженные силы на протяжении большей части XVIII в. Данная политика проливает свет на положение католиков, которые были отстранены от власти в ирландском обществе,

где политические, судебные и военные институты находились под контролем протестантов.

Возможности для карьерного роста способствовали интеграции ирландцев в военное сообщество и государственные учреждения Франции. Франко-ирландские дворяне, которые родились и выросли в изгнании, зачастую становились офицерами в ирландской бригаде. Рост военной диаспоры за рубежом волновал британских политических деятелей, которые беспокоились об ирландском вторжении, финансируемом французским королем [Calendar of the State..., 1867–1877, p. 197, 240, 243, 503]. И это не случайно. С 1692 г. по 1759 г. ирландское военное сообщество участвовало в военных кампаниях, целью которых было вторжение в Ирландию и нападение на Ганноверское государство. На протяжении XVIII в. ирландские аристократы и джентри верили, что в случае французского вторжения могут быть восстановлены в правах. Преданность якобизму, ставшая необъемлемой чертой ирландской идентичности, помогала ирландским мигрантам обрести поддержку на государственном уровне. Тем не менее невозможность восстановления земельладельческих прав и ослабление связей со Стюартами, особенно после смерти Якова III в 1766 г., значительно понизили интерес ирландских военных к политической жизни во Франции, что привело к ослаблению миграции во второй половине XVIII в.

После Французской революции 1789 г. были проведены реформы армии, в результате которых ирландские полки были реорганизованы в регулярные французские формирования. Целью реформы было устранение роялистской идентичности ирландской бригады. Тем не менее значительное число офицеров осталось верным делу роялистов и присоединилось к контрреволюционным армиям, сплотившимся вокруг Бурбонов, бежавших из Франции. После расформирования ирландской бригады часть бывших офицеров осталась во французской армии, в то время как другие были приняты на службу в Великобритании. Возвращению военной диаспоры на родину также способствовало смягчение политики в отношении католиков, начавшееся с 1793 г. По мере восстановления католиков в правах поддержка якобитов ослабевала как в Ирландии, так и за рубежом [Connolly, 2003, pp. 64–67]. Однако следует заметить, что политические меры в отношении эмансипации ирландских католиков встретили сопротивление со стороны парламента в Дублине и членов колониального сообщества, обладавших особыми привилегиями.

На протяжении XVIII в. военная служба являлась исключительным правом ирландских протестантов – потомков английских поселенцев и выходцев из англо-ирландских семей, обладающих полной правоспособностью и землями в Ирландии. Это право являлось важным свидетельством их верности британской монархии. Тесное взаимодействие с агентами французского короля и ирландской диаспорой за границей усиливало недоверие Вестминстера по отношению к ирландским военным. После Войны двух королей 1689–1691 гг. ирландских протестантов временно исключили из британской армии из-за опасений проникновения католиков под видом протестантских подданных короля [Bartlett, 2010, p. 170]. Даже после поражения якобитов протестантское сообщество и горожане Дублина относились

к католическому населению и диаспоре за границей с подозрением. Будучи в изгнании, гэльская аристократия и джентри оказывали большое влияние на ирландское крестьянство и мелких арендаторов, что могло существенно облегчить французское вторжение [Barry, 1956–1957, p. 134]. В «Трактате об Ирландии и ее различных интересах» 1697 г. олдермен Дублина сэр Фрэнсис Брюстер отмечал, что на французской службе находится немало ирландских католиков, враждебных британской монархии. «О величине их злодеяний свидетельствуют руины разрушенных городов и крепостей в Ирландии, а также огромное число убитых во многих частях этого королевства» [Brewster, 1697, pp. 14–15].

Несмотря на то, что ограничения, наложенные на протестантов, были сняты к 1745 г., господствующее колониальное сообщество стремилось упрочить свои политические и военные привилегии. Члены колониальной элиты получали назначения в офицерском звании, в то время как протестанты из низших слоев поступали на службу рядовыми солдатами. В британской армии католики могли рассчитывать только на службу в младших чинах. Похожее положение занимали мелкие католические арендаторы в Ирландии, которым протестантские лендлорды неохотно предоставляли земли и относились с большим предубеждением [Лагошина, 2020, с. 92; Whelan, 1995, p. 7]. Ирландские протестанты относились с недоверием к католикам, так как полагали, что их истинная преданность принадлежит папе, а не Георгу III, о чем свидетельствовало использование уничижительного термина «папист» по отношению к католикам колонии.

В то же время администрация Питта осознавала необходимость интеграции католиков в социально-политические институты Ирландии. В период, когда последовавшие за Французской революцией войны угрожали стабильности в Европе, британское правительство стремилось обрести поддержку католического большинства «мятежного острова». Восстановление католиков в правах снижало риск поднятия восстания и обеспечивало необходимый приток рабочей силы в Великобританию. Поэтому католикам были предоставлены уступки, такие как Акт о помощи католикам 1793 г. [The statutes at large..., vol. XVI, pp. 685–692], который отменял запрет на ношение оружия, конфискацию имущества и ограничения по отношению к католическим подданным монарха. Им возвращались права владения, наследования и распоряжения земельным имуществом, избирательное право, а также предоставлялась возможность занимать государственные и военные должности. Изменения в политике британского правительства вызвали недовольство в Дублинском замке. Устранение отличий между протестантами и католиками подрывало фундаментальный принцип протестантского господства, а также меняло соотношение сил и угрожало безопасности в Ирландии [Bartlett, 1983, p. 47]. В 1793 г. для защиты острова от вторжения было создано ирландское ополчение, которое на две трети состояло из гарнизона, ранее состоявшего на службе за границей [Nelson, 2007, p. 16]. Рядовой состав ополчения был в основном представлен католиками, а в офицерском корпусе, напротив, преобладали протестанты. Закон об ирландском ополчении являлся источником напряженности, поскольку многие опасались,

что ополченцев со временем отправят на службу за границу. После принятия данного закона вспыхнули беспорядки в Килкенни, Мите и Уэксфорде, которые удалось подавить силами местной администрации [Bartlett, 1983, p. 50].

Впрочем, настроения среди колониального сообщества не были исключительно антикатолическими. В парламенте Дублина существовало лобби, поддерживающее интересы католических джентри, а часть протестантов тесно взаимодействовала с католиками [Whelan, 1995, p. 11]. Эта поддержка помогла реализовать политику премьер-министра в Ирландии. Кроме предоставления доступа католикам в британскую армию Акт 1793 г. разрешал католическим священникам обучаться в Тринити-колледже и в недавно созданном колледже Святого Патрика в Мейнунте, вдали от радикальных колледжей Западной Европы. Роберт Стюарт, виконт Каслри, ставший главным секретарем по делам Ирландии в 1798 г., признавал, что восстановление прав католиков лишит поддержки революционные организации, такие как «Общество объединенных ирландцев» [Bew, 2012, p. 66].

В 1793 г. и 1794 г. британское правительство получило два предложения от франко-ирландских дворян о воссоздании ирландской бригады, и хотя первое предложение не было реализовано, второе в конечном итоге привело к ее формированию. Важную роль в данном процессе сыграл граф Даниэль О'Коннелл, происходивший из древнего аристократического рода О'Коннеллов графства Керри. Он был опытным офицером, служившим в ирландской бригаде во Франции, и искал убежища в Лондоне после поражения роялистов. В 1794 г. он лично обратился к правительству с предложением воссоздать ирландскую бригаду под командованием франко-ирландских офицеров. Уже в апреле 1794 г. был принят парламентский акт «О предоставлении подданным Франции возможности поступать на военную службу», позволивший ирландским военным продолжить борьбу с республиканцами [Journals of the House..., 1803, p. 429]. В парламенте утверждалось, что данный акт поспособствует быстрому увеличению численности британских войск, хотя и выражались сомнения относительно того, будут ли иностранцы подчиняться военным законам [The Parliamentary History..., 1818, p. 373].

После принятия закона об эмигрантах О'Коннелл заверял правительство в верности католических подданных, отмечая преимущества их службы. Описывая службу ирландских военных во Франции, он подчеркивал «непоколебимую преданность» ирландцев Людовику XVI, а также заявил, что счастлив продолжить службу в любом звании, если это приведет к «восстановлению монархии» [Elliot-Wright, 1997, p. 139]. Вскоре было объявлено о положительном решении вопроса о воссоздания бригады, которое следовало считать выражением «привязанности и доверия» короля к ирландским подданным [Elliot-Wright, 1997, p. 212]. Создание бригады дополнялось важным условием, определяющим будущее данного формирования. Из-за недоверия колониального сообщества к военным, служащим во Франции, было принято решение отправить бригаду на «постоянную службу в Вест-Индию и другие иностранные доминионы Его Величества» [O'Connell, 1892, pp. 150–151]. Таким образом, ирландские военные, прибывшие на родину, не допускались

к гарнизонной службе на Британских островах и боевым действиям в континентальной Европе. В августе 1794 г. О'Коннелл сообщил своему брату, что вследствие данного решения «мы никогда не сможем наслаждаться жизнью рядом с нашими близкими» [O'Connell, 1892, p. 151]. Хотя правительство осознавало преимущества службы ирландских офицеров, оно стремилось обеспечить безопасность заморских территорий, а также предотвратить угрозу социальной напряженности, которая могла возникнуть после приезда католических военных на родину.

Ирландская бригада состояла из трех полков, вернувшихся с французской службы, четвертого полка под командованием О'Коннелла и двух новых формирований. Решение расширить ирландскую бригаду вызвало трудности при наборе добровольцев, так как в Ирландии был повышенный спрос на военных — в это время шел набор в ряды британской армии и местного ополчения. Во время вербовки офицеры новой бригады прославляли традиции предков, которые отправились служить на европейский континент и получили дворянство. Впрочем, трудности с вербовкой все-таки возникали и были связаны с нежеланием служить далеко от родины, а также опасностью заражения тропическими болезнями [O'Connell, 1892, p. 153].

Формирование католической бригады встретило сопротивление среди колониального сообщества и было воспринято как оскорбление протестантских ценностей. Многие протестанты в Ирландии испытывали сильную привязанность к метрополии, гордились английским наследием и своим положением в рамках Британской империи [Connolly, 2003, p. 69]. Некоторые государственные деятели выступали против создания бригады. Например, политический реформатор Генри Граттан утверждал, что создание бригады в то время, когда католики не имели представительства в парламенте, было «опрямительной непоследовательностью» [Grattan, 1822, p. 255]. В дополнение к внешнему противодействию со стороны колониального правительства, ирландским военным пришлось столкнуться и с внутренними трудностями. В бригаде не было высших начальников — главнокомандующего и генерал-майора, так как все офицеры являлись католиками и поэтому не могли иметь звания выше полковника в британской армии [O'Connell, 1892, p. 141].

Для эффективного управления формирования были укомплектованы в три полных полка и весной 1796 г. направлены в Вест-Индию [Murphy, 2007, pp. 30–33; O'Connell, 1892, p. 179]. Руководство было передано известным офицерам — графу О'Коннеллу и герцогу Фицджеральду, который ранее возглавлял ирландскую бригаду во Франции [O'Connell, 1892, p. 180]. Интересно, что рядовым и младшему офицерскому составу было неизвестно место службы. В переписке младший офицер Морис О'Коннелл, племянник графа О'Коннелла, полагал, что бригада прибудет в Средиземное море, и сообщал брату, что приказ с назначением откроют только в море [The Correspondence..., 1792–1814, p. 26]. Очевидно, старшие командующие осознавали трудности длительного плавания, а также опасности службы в Вест-Индии, с которыми столкнутся матросы и офицеры, и стремились исключить возможность дезертирства, скрывая эту информацию до выхода в море.

К февралю 1797 г. три полка ирландской бригады, отобранные для службы за границей, прибыли в Вест-Индию. 2-й полк графа Уолша де Серрона прибыл на Мартинику, полки Диллона и виконта Уолша первоначально были расквартированы на Ямайке [Chartrand, 1999, pp. 17–18]. В нарративных источниках и отчетных документах сообщается, что практически сразу по прибытии военных настигли тропические болезни. Инспектор Янг, написавший 13 февраля в Армейскую военно-медицинскую комиссию, был сильно обеспокоен состоянием здоровья ирландских военных. Он писал, что 2-й полк Уолша де Серрона еще до прибытия в Сен-Пьер потерял 36 человек, 246 из-за болезни высадились на Барбадосе и более 100 нуждаются в лечении [Elliot-Wright, 1997, pp. 230–231]. Британскому правительству сообщили, что ирландская бригада потеряла половину военнослужащих. Несмотря на высокие потери, ирландские военные приняли участие в боевых действиях в Сан-Доминго, на территории современного Гаити, в составе британских войск, сражавшихся с французами. Особенно отличился при этом 3-й полк Диллона, «выбивший противника из засады над Порт-Герином» [London Gazette, 1797, p. 652]. Кроме того, в апреле 1797 г. во время рейда на испанский форт в Трухильо 50 «выздоровливающих ирландских солдат» помогли подбить восемь орудий и захватить транспортное судно [Fortescue, 1906, p. 544]. В июле 1797 г. полк Уолша перебросили на Ямайку для последующего отправления в Гондурас и Сан-Доминго [Chartrand, 1999, p. 17].

6 апреля 1797 г. из-за огромных людских потерь в Карибском бассейне и нехватки новобранцев из Ирландии было решено объединить три батальона ирландской бригады в один. Это решение было продиктовано и необходимостью сокращения государственных расходов [Elliot-Wright, 1997, p. 232]. Затем батальон, служивший в Вест-Индии, а также полки ирландской бригады, оставшиеся в Ирландии, были укомплектованы и отправлены на гарнизонную службу в Новую Шотландию в конце 1797 г. В 1798 г. британское правительство отдало приказ о расформировании ирландской бригады. Рядовой состав был переведен в другие полки британской армии. Офицеры либо выходили в отставку, либо продолжали службу. Граф О'Коннелл и потомственный дворянин Уолш де Серрон вернулись во Францию. Некоторые офицеры, оставшиеся в британской армии, получили известность и смогли построить успешную военную карьеру. Так, офицер франко-ирландского происхождения Чарльз Маккарти был назначен военным губернатором Западной Африки [London Gazette, 1795; American Missionary..., 1824, pp. 290–320].

Решение о роспуске бригады было продиктовано несколькими причинами. После почти двухлетней службы в Вест-Индии и Новой Шотландии численность ирландских полков сократилась из-за болезней, дезертирства и потерь в боевых действиях, в результате этого они и не могли продолжать службу. Также вполне вероятно, что восстание «Общества объединенных ирландцев» в 1798 г. усилило протестантскую оппозицию по отношению к католикам, и правительство отказалось от прокатолической политики. После многообещающих реформ в направлении эмансипации начала 1790-х г. недоверие к католикам вновь возросло. Дэниел

О'Коннелл объяснял эту проблему продолжающимися социальными потрясениями в континентальной Европе и неэффективной политикой правительства в Дублине [Geoghegan, 2008, p. 51]. В это беспокойное время британские власти начали отдавать предпочтение военным из числа протестантов, которым было поручено охранять правопорядок в Ирландии.

Опыт ирландской бригады показывает, что франко-ирландское происхождение и приверженность якобитским идеям в прошлом не помешали службе ирландских католиков в Британской империи. Находясь в изгнании, ирландская диаспора, состоящая преимущественно из представителей знати и джентри, оставалась верной монархии и в то же время сохраняла прочные связи с родиной. Несмотря на многолетнюю службу во французской армии, многие офицеры сохранили ирландскую идентичность, они наносили регулярные визиты в свои наследные поместья и гордились своим происхождением от гэльской знати. В то же время, несмотря на стремление многих католиков вернуться на родину, часть ирландцев рассматривала службу в континентальных армиях в качестве постоянного места назначения. Антикатолическая политика в Ирландии и необходимость интегрироваться в общественно-политическую жизнь иностранных государств научили ирландцев приспособляться к политическим реалиям. Ирландские военные обладали гибкой идентичностью, подверженной трансформациям, главными элементами которой являлись католическая вера, преданность монархии, военная доблесть и почитание традиций предков. Как справедливо заметил в своем исследовании Ш. Коннолли, ирландская история — это история «меняющихся представлений об идентичности» [Connolly, 2007, p. 1].

Ирландскую миграцию можно рассматривать в общецивилизационном контексте, как отражение трансформаций, происходивших в британском и ирландском обществах. XVIII столетие — это кризисная, переломная эпоха в ирландской истории, время массовых исходов католического населения в Британию и страны континентальной Европы. В этот период возникают устойчивые связи между ирландскими диаспорами по всему миру, формируется новая идентичность. По мере того как антикатолические ограничения ослабевали, изгнанная военно-политическая элита находила больше возможностей для участия в жизни ирландского общества, хотя в нем по-прежнему доминировало протестантское сообщество. Ослабление связей со Стюартами и снижение интереса к военно-политической жизни Франции способствовало интеграции католиков в британские вооруженные силы. В результате создания ирландской бригады британское правительство предоставило возможность католикам проявить себя на военной службе, а также добилось умиротворения протестантского сообщества и увеличения колониальных гарнизонов. И хотя Акт о помощи католикам 1793 г. официально открыл для них доступ в вооруженные силы, но вследствие запрета на службу в Европе потенциал бригады как военного формирования не был полностью реализован.

Несмотря на опасения колониального сообщества, ирландские военные хорошо зарекомендовали себя на службе Соединенному Королевству. Местное ополчение,

состоящее из рядовых католиков и протестантских офицеров, успешно защитило Ирландию от восстаний, а также стало источником новобранцев для регулярной британской армии. Ополчение было местом, где католики, ранее служившие в армиях Франции и Испании, тесно взаимодействовали с протестантами, сплоченные с ними идеей защиты родины от нападений. Ирландская военная миграция продолжилась и в XIX в., ирландские полки формировались в испанской армии, а также в армиях Союза и Конфедерации во время Гражданской войны в США. Однако к этому времени крупнейшим вербовщиком ирландцев стала Британская империя, что уменьшило потребность для ирландских солдат поступать на службу в иностранные государства. Близкое расположение и готовность интегрировать ирландцев в обширную британскую идентичность усиливали это взаимодействие на протяжении XIX в.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Лагошина Н.А. Менталитет католических джентри Ирландии в XVIII веке // *Британские исследования*. Выпуск 6. М.: Аквилон, 2020. С. 86–100.
- American Missionary Register*. 1824. Vol. V. P. 314.
- Barry J. The groans of Ireland // *Irish Sword*. 1956–1957. Vol. 2. P. 134.
- Bartlett T. An End to Moral Economy: The Irish Militia Disturbances of 1793 // *Past and Present*. 1983. Vol. XCIX. Pp. 41–64.
- Bartlett T. *Ireland: A History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 625 p.
- Bew J. *Castlereagh: A Life*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 722 p.
- Brewster F. *Discourse concerning Ireland and the different interests thereof in answer to the Exon and Burnstable petition*. London: Smith, Elder & Co, 1697. Pp. 14–15.
- Cagigal E. Irish migration to early modern Biscay // *Archivium Hibernicum*. 2018. Vol. 71. Pp. 158–174.
- Calendar of the State Papers Domestic, 1547–1695*. London: Longman, 1867–1877. 852 p.
- Chartrand R. *Émigré Troops in British Service*. Vol. I: 1793–1802. Oxford, 1999. 50 p.
- Colley L. *Britons: Forging the Nation, 1707–1837*. Yale: Yale University Press, 1992. 429 p.
- Connolly S.J. *Contested Island: Ireland, 1460–1630*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 426 p.
- Connolly S.J. Jacobites, Whiteboys and Republicans: Varieties of Disaffection in Eighteenth-Century Ireland // *Eighteenth-Century Ireland*. 2003. Vol. 18. Pp. 63–79.
- Elliot-Wright P.J.C. *The officers of the Irish brigade and the British army 1789–98*. PhD thesis. University of Leeds, 1997. 358 p.
- Fortescue J.W. *History of the British Army*. 13 vols. Vol. 4: 1789–1801. Pt. 1. London: Macmillan, 1906. 664 p.

- Genet-Rouffiac N. The Wild Geese in France: a French perspective // *Military Connections Franco-Irish*. Ed. by N. Genet-Rouffiac and D. Murphy. Dublin: Four Courts Press, 2009. Pp. 32–37.
- Geoghegan P. *King Dan: The Rise of Daniel O'Connell, 1775–1829*. Dublin: Gill & Macmillan, 2008. 368 p.
- Grattan H. *The Speeches of the Right Honourable Henry Grattan: In the Irish, and in the Imperial Parliament*. 4 vols. Vol. III. London: Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown, 1822. 468 p.
- Guy A.J. The Irish Military Establishment, 1660–1776 // *A Military History of Ireland*. Ed. by T. Bartlett and K. Jeffery. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. Pp. 211–230.
- Journals of the House of Commons, In the Thirty-fourth Year of the Reign of King George the Third*. 7 April 1794. Vol. 49. Dublin: H.M. Stationery Office, 1803. 751 p.
- Karsten P. Irish Soldiers in the British Army, 1792–1922: Suborned or Subordinate? // *Journal of Social History*. 1983. Vol. 17. Pp. 31–64.
- London Gazette, 14–18 July 1795.
- London Gazette, 11–15 July 1797.
- McGarry S. *Irish Brigades Abroad: From the Wild Geese to the Napoleonic Wars*. Dublin: The History Press Ireland, 2013. 288 p.
- Murphy D. *The Irish Brigades, 1685–2006: A Gazetteer of Irish Military Service, Past and Present*. Dublin: Four Courts Press, 2007. 310 p.
- Nelson I.F. *The Irish Militia, 1793–1803: Ireland's Forgotten Army*. Dublin: Four Courts Press, 2007. 272 p.
- O'Connell M.J. *The last colonel of the Irish Brigade, Count O'Connell, and old Irish life at home and abroad, 1745–1833*. Vol. II. London: K. Paul, Trench, Trubner & co, 1892. 361 p.
- Quintanilla M.S. «From a Dear and Worthy Land»: Michael Keane and the Irish in the Eighteenth-Century West Indies // *New Hibernia Review / Iris Éireannach Nua*. 2009. Vol. 13. № 4. Pp. 59–76.
- The Correspondence of Daniel O'Connell*. Ed. by M.R. O'Connell. Vol. I: 1792–1814. Dublin: Irish University Press for the Irish Manuscripts Commission, 1972. 396 p.
- The Parliamentary History of England from the Earliest Period to 1803*, Vol. XXXI: 1794–1795. Ed. by W. Cobbett. London: T.C. Hansard, 1818. 1612 p.
- The statutes at large, passed in the Parliaments held in Ireland, 1310–1800*. Eds. by J.G. Butler, W. Ball. Vol. XVI. Dublin: Boulter Grierson, 1786–1801. Pp. 685–692.
- Whelan K. An Underground Gentry? Catholic Middlemen in Eighteenth-Century Ireland // *Eighteenth-Century Ireland*. 1995. Vol. 10. Pp. 7–68.
- Wild Geese. *Irish Migrants in Early Modern Europe Conference*. 15–16 July 2022. Limerick, Mary Immaculate College, Ireland.

REFERENCES

- Lagoshina N.A. Mentalitet katolicheskikh dzhentri Irlandii v XVIII veke [The mentality of the Catholic gentry of Ireland in the 18th century], in *Britanskie issledovaniya*. Moscow: Aquilon Publ., 2020. Issue 6. Pp. 86–100. (in Russian).
- American Missionary Register*. 1824. Vol. V. P. 314.
- Barry J. The groans of Ireland, in *Irish Sword*. 1956–1957. Vol. 2. P. 134
- Bartlett T. An End to Moral Economy: The Irish Militia Disturbances of 1793, in *Past and Present*. 1983. Vol. XCIX. Pp. 41–64.
- Bartlett T. *Ireland: A History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 625 p.
- Bew J. *Castlereagh: A Life*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 722 p.
- Brewster F. *Discourse concerning Ireland and the different interests thereof in answer to the Exon and Burnstable petition*. London: Smith, Elder & Co, 1697. Pp. 14–15.
- Cagigal E. Irish migration to early modern Biscay, in *Archivum Hibernicum*. 2018. Vol. 71. Pp. 158–174.
- Calendar of the State Papers Domestic, 1547–1695*. London: Longman, 1867–1877. 852 p.
- Chartrand R. *Émigré Troops in British Service*. Vol. I: 1793–1802. Oxford, 1999. 50 p.
- Colley L. *Britons: Forging the Nation, 1707–1837*. Yale: Yale University Press, 1992. 429 p.
- Connolly S.J. *Contested Island: Ireland, 1460–1630*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 426 p.
- Connolly S.J. Jacobites, Whiteboys and Republicans: Varieties of Disaffection in Eighteenth-Century Ireland, in *Eighteenth-Century Ireland*. 2003. Vol. 18. Pp. 63–79.
- Elliot-Wright P.J.C. *The officers of the Irish brigade and the British army 1789–98*. PhD thesis. University of Leeds, 1997. 358 p.
- Fortescue J.W. *History of the British Army*. 13 vols. Vol. 4: 1789–1801. Pt. 1. London: Macmillan, 1906. 664 p.
- Genet-Rouffiac N. The Wild Geese in France: a French perspective, in *Military Connections Franco-Irish*. Ed. by N. Genet-Rouffiac and D. Murphy. Dublin: Four Courts Press, 2009. Pp. 32–37.
- Geoghegan P. *King Dan: The Rise of Daniel O'Connell, 1775–1829*. Dublin: Gill & Macmillan, 2008. 368 p.
- Grattan H. *The Speeches of the Right Honourable Henry Grattan: In the Irish, and in the Imperial Parliament*. 4 vols. Vol. III. London: Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown, 1822. 468 p.
- Guy A.J. The Irish Military Establishment, 1660–1776, in *A Military History of Ireland*. Ed. by T. Bartlett and K. Jeffery. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. Pp. 211–230.
- Journals of the House of Commons, In the Thirty-fourth Year of the Reign of King George the Third*. 7 April 1794. Vol. 49. Dublin: H.M. Stationery Office, 1803. 751 p.

- Karsten P. Irish Soldiers in the British Army, 1792–1922: Suborned or Subordinate?, in *Journal of Social History*. 1983. Vol. 17. Pp. 31–64.
- London Gazette, 14–18 July 1795.
- London Gazette, 11–15 July 1797.
- McGarry S. *Irish Brigades Abroad: From the Wild Geese to the Napoleonic Wars*. Dublin: The History Press Ireland, 2013. 288 p.
- Murphy D. *The Irish Brigades, 1685–2006: A Gazetteer of Irish Military Service, Past and Present*. Dublin: Four Courts Press, 2007. 310 p.
- Nelson I.F. *The Irish Militia, 1793–1803: Ireland's Forgotten Army*. Dublin: Four Courts Press, 2007. 272 p.
- O'Connell M.J. *The last colonel of the Irish Brigade, Count O'Connell, and old Irish life at home and abroad, 1745–1833*. Vol. II. London: K. Paul, Trench, Trubner & co, 1892. 361 p.
- Quintanilla M.S. «From a Dear and Worthy Land»: Michael Keane and the Irish in the Eighteenth-Century West Indies, in *New Hibernia Review / Iris Éireannach Nua*. 2009. Vol. 13. No. 4. Pp. 59–76.
- The Correspondence of Daniel O'Connell*. Ed. by M.R. O'Connell. Vol. I, 1792–1814. Dublin: Irish University Press for the Irish Manuscripts Commission, 1972. 396 p.
- The Parliamentary History of England from the Earliest Period to 1803*, Vol. XXXI: 1794–1795. Ed. by W. Cobbett. London: T.C. Hansard, 1818. 1612 p.
- The statutes at large, passed in the Parliaments held in Ireland, 1310–1800*. Eds. by J.G. Butler, W. Ball. Vol. XVI. Dublin: Boulter Grierson, 1786–1801. Pp. 685–692.
- Whelan K. An Underground Gentry? Catholic Middlemen in Eighteenth-Century Ireland, in *Eighteenth-Century Ireland*. 1995. Vol. 10. Pp. 7–68.
- Wild Geese. *Irish Migrants in Early Modern Europe Conference*. Limerick, Mary Immaculate College, Ireland. 15–16 July 2022.

Статья принята к публикации 19.04.2024

DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-216-227

УДК 325.2

XX ВЕК НАСТУПАЕТ: ЭМИГРАЦИЯ ПОДДАННЫХ РОССИИ ЧЕРЕЗ ПОРТЫ ГАМБУРГА И БРЕМЕНА В ДОНЕСЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ (1897–1903 гг.)

Крючков Игорь Владимирович

Северо-Кавказский федеральный университет,

Ставрополь, Россия

ikriuchkov@ncfu.ru

Аннотация. Представленная статья посвящена исследованию восприятия эмиграции россиян в США и другие регионы мира через Гамбург и Бремен российскими дипломатами в конце XIX–начале XX вв. Данная тематика не нашла достойного отражения в зарубежной и отечественной историографии, несмотря на наличие исследований, посвященных общим проблемам эмиграции россиян через территорию Германии. В качестве исторического источника выступают донесения министра-резидента в Гамбурге и консула в Бремене в МИД России, опубликованные в «Сборниках консульских донесений». Изучение данной темы позволяет на историческом материале проследить роль транзитных стран в процессе эмиграции и создания ими механизмов решения гуманитарных проблем мигрантов, чему Германии на рубеже XIX–XX вв. уделяла большое внимание. Эта проблема, к сожалению, актуальна для многих государств, ставших транзитными зонами в современной международной эмиграции. В процессе работы над темой использовались историко-сравнительный, историко-типологический методы. В результате исследования подчеркивается увеличение эмиграции россиян через Бремен и Гамбург после некоторого спада в середине 90-х гг. XIX в. Гамбург становится основным портом эмиграции подданных России. По мнению дипломатов, экономический фактор стал главной причиной эмиграции россиян. Они признавали успешность действий германских властей по улучшению положения эмигрантов на территории страны и условий их перевозки.

Ключевые слова: эмиграция, Германия, Россия, Бремен, Гамбург, судоходные компании, эмиграционное законодательство.

THE 20TH CENTURY ARRIVES: EMIGRATION OF RUSSIAN SUBJECTS THROUGH THE PORTS OF HAMBURG AND BREMEN IN THE REPORTS OF RUSSIAN DIPLOMATS (1897–1903)

Kryuchkov Igor V.

North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia
ikryuchkov@ncfu.ru

Abstract. This article investigates how Russian diplomats perceived the emigration of Russians to the USA and other regions via Hamburg and Bremen at the end of the 19th and the beginning of the 20th century. This topic has not been adequately covered in both foreign and domestic historiography, despite the existence of studies focused on the general issues of Russian emigration through Germany. The primary historical sources are the reports from the Resident Minister in Hamburg and the Consul in Bremen to the Russian Ministry of Foreign Affairs, published in the "Collections of Consular Reports". Studying this topic allows for an exploration of the role of transit countries in the emigration process and the mechanisms they developed to address the humanitarian issues faced by migrants, which was a significant focus for Germany at the turn of the 20th century. This issue remains relevant for many countries that have become transit zones in modern international migration. The research employs historical-comparative and historical-typological methods. The study highlights an increase in the emigration of Russians through Bremen and Hamburg after a decline in the mid-1890s. Hamburg became the main port for the emigration of Russian subjects. According to diplomats, economic factors were the primary reasons for Russian emigration. They acknowledged the successful efforts of German authorities to improve the conditions of emigrants within the country and during their transportation.

Keywords: emigration, Germany, Russia, Bremen, Hamburg, shipping companies, emigration legislation.

Цитирование: Крючков И.В. XX век наступает: эмиграция подданных России через порты Гамбурга и Бремена в донесениях российских дипломатов (1897–1903 гг.) // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 2. С. 216–227. DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-216-227 / Kryuchkov I.V. The 20th Century Arrives: Emigration of Russian Subjects through the Ports of Hamburg and Bremen in the Reports of Russian Diplomats (1897–1903), in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2024. No. 2. Pp. 216–227. DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-216-227.

© Крючков И.В., 2024

Эмигранты из России и других европейских государств выбирали различные маршруты для выезда из Европы. Россияне использовали для этих целей Одессу, в меньшей степени остальные российские порты. Большой поток эмигрантов из Европы направлялся через порты Антверпена, Роттердама, Амстердама и др. Существовал южный маршрут через порты Австро-Венгрии (Триест и Фиуме (Риека)). Однако значительное число подданных России выбирало для эмиграции порты Германии. Данный маршрут был удобен с точки зрения логистики и финансовых затрат. Основной поток российских эмигрантов выезжал через порты Северной Германии (Гамбург, Бремен), в этом отношении Штетин (Щецин) и Данциг (Гданьск) не могли с ними конкурировать. Дипломатические представительства России в Гамбурге и Бремене по поручению МИД собирали подробную информацию о данном перемещении подданных империи, направляя соответствующие депеши в Санкт-Петербург.

До 1837 г. власти Гамбурга запрещали эмиграцию европейцев через порт и их въезд в город. После снятия запрета перевозка эмигрантов стала одним из основных направлений деятельности порта и привела к росту доходов судоходных компаний. Некоторые из них, такие как «Hamburg–Amerika Linie (Гамбургско-Американское общество (линии))», созданное в 1847 г., достигли больших коммерческих результатов благодаря перевозке эмигрантов [Крузенштерн, 1902, с. 134].

В 1837 г. первая группа эмигрантов в количестве 2,4 тыс. чел. через Гамбург покинула Европу. В 1900 г. их численность достигла 87,4 тыс. чел. Согласно сведениям вице-консула в Гамбурге И. фон Крузенштерна, первая группа россиян прибыла в Гамбург в 1871 г. (2,3 тыс. чел.). До 1888 г. в общем потоке эмигрантов доминировали уроженцы Германии, затем шли россияне, и замыкали тройку лидеров жители Австро-Венгрии. Однако с 1889 г. россияне выходят на второе место, а с начала XX в. первое место удерживают эмигранты из Австро-Венгрии. Пик российской эмиграции через Гамбург приходится на 1890–1892 гг., когда Россия столкнулась с голодом, поразившим многие губернии страны. В 1890 г. из Гамбурга уехало 42,4 тыс. россиян, в 1891 г. – 76,7 тыс. чел. и в 1892 г. – 54,1 тыс. Затем эмиграция россиян развивалась скачкообразно, вновь снизившись в 1897 г. [Крузенштерн, 1902, с. 135–136]. В Гамбурге эмигранты находились в сложных бытовых условиях, не меньше проблем отмечалось во время самого процесса их перевозки. Власти города для улучшения положения эмигрантов принимают в 1887 г. специальный закон, но наплыв эмигрантов в начале 1890-х гг. показал его несовершенство. В Бремене с точки зрения организации эмиграции складывается примерно такая же ситуация.

В конце XIX в., с увеличением потока эмигрантов через Гамбург и Бремен, правительство Германии столкнулось с массой жалоб от эмигрантов на неудовлетворительную работу судоходных компаний, занимающихся их перевозкой из Европы в другие регионы мира, и на условия временного содержания в ожидании посадки на суда. В этой ситуации правительство ужесточает законодательство с целью упорядочения перевозки эмигрантов. Для получения разрешения на перевозку эмигрантов судоходные компании Германии обращались со специальным ходатайством к канцлеру. Такое разрешение выдавалось сроком на один год. Разрешение на перевозку эмигрантов могли получить и иностранцы, но для этого им следовало иметь представителя из числа подданных Германии, в полномочия которого входило отстаивание интересов

зарубежных компаний в случае возникновения судебных тяжб. Всем обратившимся за получением разрешения следовало внести залог в 50 тыс. марок и предоставить подтверждение о наличии необходимых для перевозок людей судов [Русское переселенческое движение..., 1901, с. 212]. В разрешении фиксировались порты, куда могли заходить суда компаний с эмигрантами на борту за пределами Германии. Компании могли нанимать специальных агентов для организации процесса перевозки эмигрантов. Каждый агент вносил залог в 15 тыс. марок. После этого он мог получить разрешение правительства на ведение деятельности.

В качестве исторического источника при изучении данной темы выступают «Сборники консульских донесений», издававшиеся МИД России с 1898 г. по 1910 г. Они содержат интересные очерки российских дипломатов, посвященные различным аспектам развития зарубежных государств, в том числе эмиграции россиян через территорию Германии в США и другие страны. Идея издания «Сборников консульских донесений» возникает в недрах МИД в 1898 г. Подготовка издания возлагалась на В.Б. Лопухина [Лопухин, 2008].

В современной российской историографии тема эмиграции подданных России через порты Германии нашла некоторое отражение в ряде исследований. Способы эмиграции россиян и условия их транзита, в том числе через Германию, показывает в своем диссертационном исследовании Д.О. Куприн [Куприн, 2000]. Э.Г. Путятова и Т.Н. Плохотнюк детально рассматривают более узкие проблемы. Э.Г. Путятова исследует процесс эмиграции россиян через Германию в Южную Америку в конце XIX–начале XX вв. Автор использует в качестве исторического источника и «Сборники консульских донесений» за 1905–1910 гг. [Путятова, 2009]. Политику германских властей в вопросах правового регулирования эмиграции европейцев через территорию Германии в конце XIX–начале XX в., направленную на улучшение их положения, анализировала Т.Н. Плохотнюк [Плохотнюк, 2012]. Она использовала в своем исследовании «Сборники консульских донесений» в контексте изучения заявленной темы.

Эмиграция российских подданных прошла ряд циклов. Первый цикл снижения эмиграции начался в 1897 г. К этому году право на перевозку эмигрантов в Гамбурге имели: «Гамбургско-Американское общество» со штаб-квартирой в Гамбурге; две ливерпульские компании: «White Star-Line» и «Cunard-Steamship-Company» — и американская «International Navigation Company», зарегистрированная в Филадельфии [Русское переселенческое движение..., 1901, с. 213]. Особенной активностью отличалось «Гамбургско-Американское общество». Оно постоянно стремилось к увеличению перевозки эмигрантов, осознавая прибыльность этого начинания. В Бремене лидирующие позиции занимал «Северо-Германский Ллойд».

По сведениям министра-резидента в Гамбурге А. Вестмана, число российских подданных, выехавших через город, достигает своего пика в 1896 г. — 18,2 тыс. чел., или 34,6% от всей численности европейских эмигрантов. В 1897 г. их численность сократилась до 8,8 тыс. чел. (25,2%). Сокращение численности эмигрантов в 1897 г. в Гамбурге затронуло представителей и остальных европейских государств, включая Германию. Сокращается численность россиян, эмигрировавших через Бремен, с 13,8 тыс. чел. до 9,2 тыс. чел. [Вестман, 1898, с. 96]. По данным германской

полицей, в 1897 г. в эмиграции было отказано 1439 чел., в том числе 1086 российским евреям. Причиной отказа для большинства из них становится наличие договоренностей с потенциальными работодателями в США, что нарушало американское законодательство. Все они возвращались на границу России на средства судоходных компаний или за счет полиции Гамбурга и Бремена. Еврейские благотворительные организации не принимали участия в этой деятельности [Вестман, 1898, с. 99–100].

Основной поток европейских эмигрантов, включая российских, направлялся в США и в меньшей степени в Канаду, Бразилию, Аргентину и в Южную Африку. Так, из 8,8 тыс. россиян, выехавших через Гамбург, 90% отправились в США, 4,3% – в Канаду и по 1,9% – в Аргентину и Южную Африку. Через Бремен поток эмигрантов немного отличался: более 91% выехало в США, около 4% – в Канаду, 3,7% – в Южную Африку [Вестман, 1898, с. 98]. Большинство россиян в Южной Африке расселялось в районе Йоханнесбурга.

Весной 1898 г. в Германии вступал в силу новый закон об эмиграции, который, по мнению А. Вестмана, должен был привести к сокращению количества эмигрантов из России и Европы в целом. Он был в основном ориентирован на регулирование эмиграции из Германии, но затрагивал интересы и остальных европейских эмигрантов. Закон не устранял полностью произвол судоходных компаний, но согласно ему с момента прихода в порт и до самого отплытия суда находились под строгим контролем полиции, что существенно снижало количество нелегальных эмигрантов. А. Вестман полагал, что еще одним фактором, влияющим на сокращение численности европейских эмигрантов, в том числе и российских, станет политика нового президента США У. Мак-Кинли, вступившего в должность в марте 1897 г. и призывавшего существенно ограничить эмиграцию европейцев, как и представителей других континентов, в страну. В сложившейся ситуации части российских эмигрантов придется выбирать новые государства для предстоящей эмиграции. Свою роль в снижении эмиграции в США мог сыграть начавшийся в стране экономический спад.

Итоги 1898 г. перечеркнули все прогнозы российских дипломатов по поводу грядущего снижения эмиграции. Более того – вопреки ожиданиям, начался ее существенный рост. В течение 1898 г. количество эмигрантов, покинувших Европу через Гамбург и Бремен, выросло на 20%, причем значительная часть прироста приходилась на российскую эмиграцию. В Гамбурге количество эмигрантов увеличилось с 35 тыс. до 43,4 тыс. чел., а в Бремене – с 46,8 тыс. до 60,4 тыс. чел. В то же время количество российских эмигрантов выросло с 18,1 тыс. до 30,8 тыс. чел., из них большинство выехало через Гамбург (18,1 тыс. чел.), хотя основной поток европейских эмигрантов шел через Бремен [Русское переселенческое движение..., 1899, с. 226–227]. Увеличение численности выезжающих из Гамбурга россиян было связано с тем, что они рассматривали город как удобную транзитную зону. Через Гамбург они прибывали в порты Великобритании, а дальше переезжали в различные регионы мира. Примечательно, что часть эмигрантов оставалась на территории Соединенного Королевства.

Начавшаяся война США с Испанией, по мнению дипломатов и экспертов, могла привести к ухудшению экономического положения США и сокращению эмиграции в страну, в том числе из России. Однако данные прогнозы абсолютно не оправдались. Основная масса эмигрантов прибывает в США, несмотря на то что с 1 июня пароходства временно

прекратили вывоз эмигрантов ввиду отсутствия свободных судов. С августа регулярные перевозки эмигрантов возобновились. Бразилия в 1898 г. запретила въезд в страну украинцам и полякам, что привело к снижению потока эмигрантов из России, Германии и Австро-Венгрии. В результате часть эмигрантов направилась в Аргентину, в том числе немецкие колонисты с Поволжья. Они, как правило, переезжали целыми семьями, имея значительный капитал [Русское переселенческое движение..., 1899, с. 230].

Процент выехавших из Гамбурга в США в 1898 г. сократился до 75,1% от общего количества мигрантов-россиян; на втором месте оказались британские порты – 17,8%, на третьем месте Аргентина – 3,5%. В Бремене не произошло существенных изменений. Как и в предыдущие годы, более 90% россиян выехало в США, 6,4% в Южную Америку и 2,7% в Африку [Русское переселенческое движение..., 1899, с. 226–227]. В обоих случаях обращает на себя внимание падение удельного веса эмигрантов, переезжавших в Канаду.

Сведения об этническом и социальном составе эмигрантов, собираемые властями Германии, не публиковались и не были доступны российским дипломатам, тем не менее в их отчетах встречается некоторая информация об этническом составе эмигрантов. Среди российских эмигрантов доминировали евреи, литовцы, поляки из Царства Польского, Курляндской, Херсонской, Бессарабской, Минской, Киевской и Витебской губерний. Все эмигранты в качестве причины для выезда из России указывали экономические проблемы и возможность получить достойные доходы в США и в других странах. В 1901 г. И. фон Крузенштерн попытался на основе личных наблюдений и общения с германскими официальными лицами, контролирующими эмиграцию, определить этнорелигиозный состав эмигрантов. По его сведениям, в 1900 г. около 48% российских эмигрантов были католиками, а остальная часть примерно поровну делилась между евреями и сектантами (менониты, духоборы, молокане, субботники и др.) [Томашевский, 1902, с. 276.]. Только через Бремен уезжало примерно 5 тыс. евреев ежегодно. В начале XX в. набирает силу эмиграция из России немецкого населения из Поволжья и с юга страны. Г. Томашевский приводил данные, согласно которым подавляющую часть эмигрантов составляли батраки, безземельные и мало-земельные крестьяне [Томашевский, 1902, с. 276].

Кроме России большой поток эмигрантов давала Австро-Венгрия – за счет покидающих империю Габсбургов венгров, украинцев, словаков и хорватов. Часть эмигрантов после накопления средств возвращалась на родину [Русское переселенческое движение..., 1899, с. 230]. Среди словаков Австро-Венгрии вернувшиеся эмигранты составляли около 10% [Иславин, 1899, с. 232]. К сожалению, статистических данных о числе возвращавшихся на родину россиян не имеется.

Большая часть россиян в США направлялась в сельскую местность, где они либо нанимались на работу к местным фермерам, либо, стремясь завести собственное дело, приобретали или арендовали землю. Часть шла трудиться на промышленные предприятия Коннектикута, Иллинойса и Массачусетса, часть – на шахты Пенсильвании и Огайо. За неделю российским эмигрантам в сельской местности удавалось скопить до 16 руб. На промышленных предприятиях Пенсильвании они зарабатывали до 2 долл. в день. С учетом расходов (в течение недели 3 долл. уходило на питание, около 1 долл. – на аренду квартиры) чистая выручка достигала 8 долл. [Иславин, 1899, с. 232].

Еще одной особенностью 1898 г. становится усиление контроля со стороны германских властей, в частности полиции, над условиями перевозки эмигрантов, наличием спасательных шлюпок и аварийной сигнализации. Данные вопросы постоянно вызывали нарекания у общественности и политиков страны. Специальные комиссары из переселенческих бюро встречали эмигрантов на железнодорожных вокзалах и отвозили их в специальные «эмиграционные бараки»; те эмигранты, которые имели свободные деньги, могли поселиться в гостиницах. Существовали строгие правила содержания и обслуживания эмигрантов; полиция и комиссары проводили внезапные проверки гостиниц и трактиров, где эмигранты проживали и питались. На владельцев заведений, нарушающих правила, налагались крупные штрафы. В каких-то случаях нарушения могли закончиться потерей очень выгодной лицензии на прием эмигрантов. Власти в этом отношении действовали довольно жестко. Поэтому российский министр-резидент в Гамбурге А. Вестман и консул в Бремене А. Гамм полагали, что извечные проблемы, возникающие при перевозке и содержании эмигрантов, в целом были решены совместными усилиями судоходных компаний и германских властей [Русское переселенческое движение..., 1899, с. 229]. Дипломаты подкрепляли свои доводы прекращением жалоб от эмигрантов, за исключением евреев.

В 1899 г. идет дальнейшее увеличение численности эмигрантов, покидающих Европу через Гамбург (64,2 тыс. чел.) и Бремен (80,7 тыс. чел.). Большую часть прироста составили эмигранты из России (22,4 тыс. чел.) и Австро-Венгрии. В Бремене численность выезжающих россиян практически удвоилась (22,1 тыс. чел.), а в Гамбурге увеличилась почти в 1,5 раза (31 тыс. чел.). Таким образом, россияне составили 48,2% всех эмигрантов в Гамбурге и 27,4% в Бремене [Вестман, 1900, с. 248–249]. В 1900 г. прирост российских эмигрантов явно снижается по сравнению с предыдущими годами, составив всего 26%. В Гамбурге их численность достигла 41 тыс. чел., а в Бремене – 25,8 тыс. чел. [Русское переселенческое движение..., 1901, с. 211–212]. Зато рекордными темпами растет эмиграция жителей Австро-Венгрии. Эта динамика сохранится вплоть до начала Первой мировой войны.

Некоторые изменения в 1899–1900 гг. происходят в основных направлениях эмиграции россиян. В Гамбурге несколько снижается значимость эмиграции в США – до 69,6%, но при этом значительно вырастает эмиграция в порты Великобритании (29,4%); из них часть эмигрантов, как уже отмечалось, также могла переехать в США и в другие регионы мира. Роль других стран, принимающих эмигрантов, снижается. Только эмиграция в Аргентину приближалась к 1%. В Бремене ситуация с доминированием США (93,2%) не изменилась. На втором месте находилась эмиграция в Южную Америку (4,4%), а на третьем – в Южную Африку (2,1%) [Вестман, 1900, с. 248–249]. В 1900 г. ситуация в Гамбурге принципиально не изменилась: в США выехало 74,4% россиян, а в порты Великобритании 24,3%. В Бремене в 1900 г. происходят важные изменения. Поток эмигрантов в США сокращается до 76%, часть из них направляется в порты Великобритании (18,2%), и на третье место выходит Южная Америка (4,4%) [Русское переселенческое движение..., 1901, с. 211–212].

В 1899 г. германские судоходные компании получили большую прибыль в результате перевозки эмигрантов. Данное обстоятельство позволило «Гамбургско-Американскому обществу» получить в порту Гамбурга новый участок земли для строительства

новых комфортабельных помещений для размещения эмигрантов. В результате контроль над эмигрантами, по мнению дипломатов, в данной ситуации мог перейти от полиции к самому обществу.

В конце XIX в., в том числе в 1899 г., большую активность в деле привлечения эмигрантов развернуло правительство Канады. Оно было заинтересовано в заселении восточных провинций страны. В результате в Канаду прибывает несколько тысяч украинцев из Галиции и 6 тыс. духоборов из России. Духоборы, в отличие от украинцев, смогли быстро приспособиться к новой обстановке и начать успешное ведение собственного хозяйства. Поэтому, на взгляд А. Вестмана, Оттава и дальше будет привлекать в страну российских духоборов. Однако основная масса духоборов уезжала в Канаду через Батуми и другие порты.

В 1901 г. численность эмигрантов, покинувших Европу через Гамбург, достигла 92,7 тыс. чел. (примерно 66 % из них составляли мужчины). Численность российских эмигрантов сократилась на 8 %, т.е. до 36,9 тыс. чел. Лидерами по месту выезда на новое место поселения для россиян по-прежнему являлись США (80,3 %) и британские порты (18 %), доля эмиграции в остальные страны не превышала 0,7 %. Всего с 1871 по 1901 г. через Гамбург из России, по сведениям министра-резидента, выехало 538,1 тыс. чел. [Арсеньев, 1902, с. 205]. С. Арсеньев, анализируя динамику эмиграции подданных России в XIX в., приходит к выводу о том, что она, скорее всего, зависит от объемов сбора урожая в стране [Арсеньев, 1902, с. 205]. Данный факт объясняет и снижение эмиграции россиян в 1901 г. В 1902 г. ситуация в Гамбурге усложняется за счет резкого увеличения численности эмигрантов — до 123,5 тыс. чел., из них эмигранты из России составили 45 тыс. чел. [Переселенческое движение..., 1904, с. 212]. Это приводит к тому, что Гамбург по общей численности выезжающих эмигрантов, пожалуй, впервые обошел Бремен.

В Бремене в 1901 г. также увеличивается количество эмигрантов — до 110,6 тыс. чел. На Австро-Венгрию приходилось около 72 % эмигрантов. Правда, численность российских эмигрантов в 1901 г. сокращается почти на 30 % — до 20,7 тыс. чел., в основном за счет сокращения эмиграции в США. Г. Томашевский объяснял данное явление уходом части еврейской эмиграции из Бремена в Гамбург [Томашевский, 1902, с. 275]. Общая картина конечного места назначения российских эмигрантов особо не изменилась. Более 94 % переселялось в США, 18 % в британские порты и 5 % в Южную Америку [Томашевский, 1902, с. 275]. В 1902 г. картина стала несколько иной. США сохранили лидерство (77,7 %), затем шли порты Великобритании (16,6 %) и Африки (около 3 %), Южная Америка опустилась на четвертое место (2,4 %) — туда в основном выезжали российские евреи [Томашевский, 1903, с. 231].

В 1902 г. количество эмигрантов в Бремене возрастает более чем на 25 % и достигает 143,3 тыс. чел., из них россияне составили 29,1 тыс. чел. За год количество российских эмигрантов увеличилось на 8,3 тыс. чел. (30 %), и большая часть прироста пришлось на США (7,2 тыс. чел. — не считая тех, кто транзитом уехал в страну через британские порты) [Томашевский, 1903, с. 232]. Г. Томашевский приводит общую статистику численности российских эмигрантов, покинувших родину через Бремен с 1892 г. Она составила 180,4 тыс. чел. Минимальное количество эмигрантов

приходится на 1897 г. Однако ученый опустил данные за 1890–1891 гг., когда эмиграция россиян достигла максимальных показателей.

1903 г. оказался последним спокойным годом в истории России в начале XX в. Империи ждала война с Японией, революция и экономический кризис, что способствовало увеличению численности желающих покинуть страну. В 1903 г. в Гамбурге наблюдается дальнейший рост численности эмигрантов – до 144,5 тыс. чел. По сравнению с предыдущим годом численность российских эмигрантов возросла на 8855 чел., достигнув 48,8 тыс. чел. (71,1% мужчины). Из них 37,9 тыс. чел. выезжает в США (77,7%), 1081 чел. (2,2%) в Канаду, 745 чел. (1,5%) в Южную Америку, еще 8679 чел. (17,7%) перебралось в порты Великобритании – с последующим отъездом в США и Канаду [Переселенческое движение..., 1904, с. 212].

В 1903 г. Бремен также переживает наплыв эмигрантов – до 175,3 тыс. чел., в основном за счет жителей Австро-Венгрии. Город вновь вышел на первое место по количеству прибывших эмигрантов. Численность эмигрантов-россиян увеличилась на треть, т.е. до 39 937 чел. [Переселенческое движение..., 1904, с. 213]. К сожалению, новый консул в Бремене А. Федорченко не приводит данных о распределении российских эмигрантов по местам эмиграции. Но не вызывает сомнения доминирование в этом потоке тех, кто желал перебраться в США.

Особенностью эмиграции в 1901 г. через Бремен становится увеличение среди эмигрантов из России немцев (600 чел.) из Саратовской и Херсонской губерний, составивших костяк выехавших в Аргентину россиян. Около 1 тыс. немецких колонистов из Херсонской, Бессарабской и Таврической губерний уезжает в Южную Дакоту (США). В отличие от большинства российских эмигрантов, они имели необходимые средства, чтобы выехать из Бремена на более комфортабельных и скоростных судах. В 1902 г. значительную часть российских эмигрантов составляли немецкие колонисты из Самарской, Саратовской и Херсонской губерний, переселявшиеся в США (Небраска, Южная Дакота) и в Бразилию, где была основана знаменитая немецкая колония «Ганза». Переселение немцев в Бразилию, в том числе из России, активно поддерживали судоходные компании Германии, поэтому эмигранты вместо 220 марок платили за проезд всего 100 марок [Томашевский, 1904, с. 233]. Очевидно, данный проект поддерживало и правительство Германии.

В 1901–1903 гг. российские дипломаты отмечали четкую и слаженную работу германских властей, судоходных компаний в деле организации перевозки эмигрантов и создания им приемлемых бытовых условий. Жалобы поступали только от еврейских эмигрантов, недовольных ограничениями на выбор конечного маршрута передвижения. 8–15 марта 1902 г. в Бремене одновременно оказалось более 5 тыс. эмигрантов, но и здесь власти и компании отработали грамотно, срочно разместив эмигрантов в общественных зданиях. «Северо-Германскому Ллойд» пришлось зафрахтовать суда у других компаний для своевременной перевозки эмигрантов. В 1902 г. компания ввела в строй четыре новых судна, два из которых были способны принять на борт 1,6 тыс. чел. в каюты III класса [Томашевский, 1904, с. 238]. В 1903 г. благодаря различным нововведениям удалось значительно сократить продолжительность посадки эмигрантов на суда в порту Бремена.

Таким образом, российские дипломаты в Гамбурге и Бремене уделяли большое внимание анализу численности эмигрантов из России в портах этих городов, ее динамике, условиям проживания эмигрантов в портах и конечным странам их пребывания, подчеркивая особую привлекательность для россиян США. Российские дипломаты объясняли причины эмиграции из России в основном экономическими соображениями, упуская из виду комплекс причин эмиграции сектантов, евреев и католиков.

По данным дипломатов, из Гамбурга с 1871 г. по 1903 г. через порт выехало почти 622 тыс. чел. россиян, а из Бремена с 1892 по 1903 г. — 238,5 тыс. чел. Они отмечали существенные успехи властей Германии и судоходных компаний страны по улучшению условий проживания эмигрантов в Гамбурге и Бремене, что существенно сокращает количество жалоб с их стороны. С 1902 г. они констатируют дальнейший рост численности российских эмигрантов, в основном за счет жителей западных губерний империи, прежде всего Царства Польского и Литвы. В начале XX в. наблюдается рост численности немцев Поволжья и Херсонской губернии, выезжающих в США и Бразилию. Дипломаты признавали растущую роль Гамбурга и Бремена в транзите подданных России из Европы в другие регионы мира в конце XIX–начале XX в.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Арсеньев С. Переселенческое движение 1901 года через Гамбург. Донесение министра-резидента в Гамбурге // *Сборник консульских донесений за 1902 г. Вып. III.* СПб.: Товарищество художественной печати, 1902. С. 203–206.

Вестман А. Русское переселенческое движение через Гамбург и Бремен за 1897 г. Донесение министра-резидента в Гамбурге // *Сборник консульских донесений. 1898. Вып. II.* СПб.: Скоропечатня «Надежда», 1898. С. 96–100.

Вестман А. Русское переселенческое движение через Гамбург и Бремен за 1899 г. Донесение министра-резидента в Гамбурге // *Сборник консульских донесений. 1900. Вып. III.* СПб.: Товарищество художественной печати, 1900. С. 247–251.

Иславин Л. Заметки об эмиграции из Австро-Венгрии. Заметки вице-консула в Вене // *Сборник консульских донесений за 1899 г. Вып. III.* СПб.: Товарищество художественной печати, 1899. С. 231–234.

Крузенштерн фон И. Эмиграционное дело в Гамбурге. Донесение вице-консула в Гамбурге // *Сборник консульских донесений за 1902. Вып. II.* СПб.: Товарищество художественной печати, 1902. С. 133–140.

Куприн Д.О. Эмиграция из России в конце XIX–начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2000. 187 с.

Лопухин Б.В. Записки бывшего директора департамента министерства иностранных дел. СПб.: Нестор-история, 2008. 540 с.

Переселенческое движение через Гамбург и Бремен в 1903 г. Донесение министра-резидента в Гамбурге С. Арсеньева и консула в Бремене А. Федорченко // *Сборник консульских донесений за 1904 г. Вып. III.* СПб.: Товарищество художественной печати, 1904. С. 212–216.

Плохотнюк Т.Н. Германский опыт регламентации транзитной миграции из стран Восточной Европы в Америку (1870–1900-е гг.) // *Вестник Ставропольского государственного университета*. 2012. № 1. С. 18–22.

Путятова Э.Г. Роль пароходных компаний в транспортировке российских эмигрантов в Южную Америку (конец XIX–начало XX вв.) // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 6. 2009. Вып. 2. С. 281–288.

Русское переселенческое движение через Гамбург и Бремен в 1898 г. Из донесения министра-резидента в Гамбурге А. Вестмана и консула в Бремене А. Гамма // *Сборник консульских донесений за 1899 г. Вып. III*. СПб.: Товарищество художественной печати, 1899. С. 226–230.

Русское переселенческое движение через Гамбург и Бремен в 1900 г. Из донесений министра-резидента в Гамбурге С. Арсеньева и консула в Бремене Л. Томашевского // *Сборник консульских донесений за 1901 г. Вып. III*. СПб.: Товарищество художественной печати, 1901. С. 210–215.

Томашевский Г. Переселенческое движение в Бремене в 1901 г. Донесение консула в Бремене // *Сборник консульских донесений за 1902 г. Вып. IV*. СПб.: Товарищество художественной печати, 1902. С. 274–283.

Томашевский Г. Переселенческое движение в Бремене в 1902 г. Донесение консула в Бремене // *Сборник консульских донесений за 1903 г. Вып. III*. СПб.: Товарищество художественной печати, 1903. С. 230–238.

REFERENCES

Arsenyev S. Pereselencheskoe dvizhenie 1901 goda cherez Gamburg. Donesenie ministra-rezidenta v Gamburge [Resettlement movement of 1901 through Hamburg. Report of the Resident Minister in Hamburg], in *Collection of consular reports for 1902. Vol. III*. St. Petersburg: Tovarishchestvo hudozhestvennoj pechati, 1902. Pp. 203–206 (in Russian).

Westman A. Russkoe pereselencheskoe dvizhenie cherez Gamburg i Bremen za 1897 g. Donesenie ministra-rezidenta v Gamburge [Russian resettlement movement through Hamburg and Bremen for 1897. Report of the Resident Minister], in *Hamburg in Collection of consular reports. 1898. Vol. II*. St. Petersburg: Printing house "Nadezhda", 1898. Pp. 96–100 (in Russian).

Westman A. Russkoe pereselencheskoe dvizhenie cherez Gamburg i Bremen za 1899 g. Donesenie ministra-rezidenta v Gamburge [Russian resettlement movement through Hamburg and Bremen for 1899. Report of the Resident Minister], in *Hamburg in Collection of consular reports. 1900. Vol. III*. St. Petersburg: Tovarishchestvo hudozhestvennoj pechati, 1900. Pp. 247–251 (in Russian).

Islavin L. Zametki ob emigracii iz Avstro-Vengrii. Zametki vice-konsula v Vene [Notes on emigration from Austria-Hungary. Notes of the vice-consul in Vienna], in *Collection of consular reports for 1899. Vol. III*. St. Petersburg: Tovarishchestvo hudozhestvennoj pechati, 1899. Pp. 231–234 (in Russian).

Krusenstern von I. Emigracionnoe delo v Gamburge. Donesenie vice-konsula v Gamburge [An emigration issue in Hamburg. Report of the vice-consul in Hamburg], in *Collection*

of consular reports for 1902. Vol. II. St. Petersburg: Tovarishchestvo hudozhestvennoj pečati, 1902. Pp. 133–140 (in Russian).

Kuprin D.O. Emigraciya iz Rossii v konce XIX–nachale XX vv. [Emigration from Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. Dissertation of the candidate of sciences (History): 07.00.02. Moscow, 2000. 187 p. (in Russian).

Lopukhin B.V. Zapiski byvshego direktora departamenta ministerstva inostrannyh del [Notes of the former director of the department of the Ministry of Foreign Affairs]. St. Petersburg: Nestor-istoria, 2008. 540 p. (in Russian).

Pereselencheskoe dvizhenie cherez Gamburg i Bremen v 1903 g. Donesenie ministra-rezidenta v Gamburg S. Arsen`eva i konsula v Bremene A. Fedorchenko [Resettlement movement through Hamburg and Bremen in 1903. Report of the Resident Minister in Hamburg S. Arsenyev and the Consul in Bremen A. Fedorchenko], in *Collection of consular reports for 1904. Vol. III.* St. Petersburg: Tovarishchestvo hudozhestvennoj pečati, 1904. Pp. 212–216 (in Russian).

Plohotnyuk T.N. Germanskij opyt reglamentacii tranzitnoj migracii iz stran Vostochnoj Evropy v Ameriku (1870–1900-e gg.) [German experience in regulating transit migration from Eastern European countries to America (1870–1900s)], in *Bulletin of Stavropol State University*. 2012. No. 1. Pp. 18–22 (in Russian).

Putyatova E.G. Rol` paroxodnyh kompanij v transportirovke rossijskih emigrantov v Yuzhnyu Ameriku (konec XIX–nachalo XX vv.) [The role of shipping companies in transporting Russian emigrants to South America (late 19th–early 20th centuries)], in *Bulletin of St. Petersburg University. Series 6*. 2009. Issue 2. Pp. 281–288 (in Russian).

Russkoe pereselencheskoe dvizhenie cherez Gamburg i Bremen v 1898 g. Iz doneseniya ministra-rezidenta v Gamburg A. Vestmana i konsula v Bremene A. Gamma [Russian resettlement movement through Hamburg and Bremen in 1898. From the report of the Resident Minister in Hamburg A. Westmann and the Consul in Bremen A. Gamma], in *Collection of consular reports for 1899. Vol. III.* St. Petersburg: Tovarishchestvo hudozhestvennoj pečati, 1899. Pp. 226–230 (in Russian).

Russkoe pereselencheskoe dvizhenie cherez Gamburg i Bremen v 1900 g. Iz donesenij ministra-rezidenta v Gamburg S. Arsen`eva i konsula v Bremene L. Tomashevskogo [Russian resettlement movement through Hamburg and Bremen in 1900. From the reports of the Resident Minister in Hamburg S. Arsenyev and the Consul in Bremen L. Tomashevsky], in *Collection of consular reports for 1901. Vol. III.* St. Petersburg: Tovarishchestvo hudozhestvennoj pečati, 1901. Pp. 210–215 (in Russian).

Tomashevsky G. Pereselencheskoe dvizhenie v Bremene v 1901 g. Donesenie konsula v Bremene [Resettlement movement in Bremen in 1901. Report of the consul in Bremen], in *Collection of consular reports for 1902. Vol. IV.* St. Petersburg: Tovarishchestvo hudozhestvennoj pečati, 1902. Pp. 274–283 (in Russian).

Tomashevsky G. Pereselencheskoe dvizhenie v Bremene v 1902 g. Donesenie konsula v Bremene [Resettlement movement in Bremen in 1902. Report of the consul in Bremen], in *Collection of consular reports for 1903. Vol. III.* St. Petersburg: Tovarishchestvo hudozhestvennoj pečati, 1903. Pp. 230–238 (in Russian).

Статья принята к публикации 19.04.2024

DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-228-240

УДК 94

ПРОБЛЕМЫ РЕЛОКАЦИИ — «НОВОЙ ЭМИГРАЦИИ» РОССИЯН В АРМЕНИЮ ПОСЛЕ НАЧАЛА СВО НА УКРАИНЕ

Евстратов Антон Геннадьевич

Российско-Армянский (Славянский) университет,
Ереван, Армения
anton_nastoyashiy@mail.ru

Аннотация. Реакция некоторой части населения Российской Федерации на начавшуюся в 2022 г. специальную военную операцию на Украине породила новое социально-политическое явление — релокацию. Данным термином обозначается перемещение несогласных с политикой государства либо испытывающих экономические проблемы его граждан за границу с сохранением их образа жизни, быта и занятий, без интеграции в принимающее общество. В настоящем исследовании рассматривается суть и логика указанного явления на примере Армении — одного из главных на данный момент направлений релокации россиян; рассмотрены его отличия от эмиграции прошлого. Актуальность исследования предопределена значением описываемого явления как для российского общества, так и для обществ принимающих стран. В данном контексте Армения также предстает характерным примером. Вместе с тем, учитывая «молодость» проблемы, которая приобрела серьезные масштабы лишь с 2022 г., научных публикаций по ней крайне мало, а в фокус внимания историка тема нашего исследования не попадала вовсе. Это приводит к большей ориентации данной работы на источники, в качестве которых предстают прежде всего публикации в СМИ, собственные опросы и интервью, а также статистические материалы. Специфика источниковой базы предполагает ориентацию на методы контент-анализа, а также наблюдения и непосредственного контакта с носителями информации. Направленность исследования предполагает и использование сравнительного метода при оценке особенностей релокации на фоне эмиграции россиян в Армению в начале XX столетия. В итоге автор приходит к выводам о том, что, несмотря на ряд схожих моментов, современная релокация — качественно новое явление, обусловленное как влиянием времени, так и особенностью психологии российского креативного класса. Сами релоканты в свою очередь способны оказать значительное влияние на армянское общество.

Ключевые слова: релокация, протест, Армения, СВО, оппозиция, активизм, либерализм, эмиграция.

Цитирование: Евстратов А.Г. Проблемы релокации — «новой эмиграции» россиян в Армению после начала СВО на Украине // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 2. С. 228–240. DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-228-240 / Evstratov A.G. Problems of Relocation — “New Emigration” of Russians to Armenia after the Start of the Special Military Operation in Ukraine, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2024. No. 2. Pp. 228–240. DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-228-240.

© Евстратов А.Г., 2024

PROBLEMS OF RELOCATION – “NEW EMIGRATION” OF RUSSIANS TO ARMENIA AFTER THE START OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION IN UKRAINE

Evstratov Anton G.

Russian-Armenian (Slavonic) University,
Yerevan, Armenia
anton_nastoyashiy@mail.ru

Abstract. The reaction of a certain part of the population of the Russian Federation to the special military operation in Ukraine that began in 2022 gave rise to a new socio-political reality – relocation. This term refers to the movement of citizens who disagree with the policies of the state or who are experiencing economic problems abroad while preserving their way of life, everyday life and activities, without integration into the host society. This study examines the essence and logic of this phenomenon using the example of Armenia, one of the main directions of relocation of Russians at the moment; its differences from the emigration of the past are considered. The relevance of the study is predetermined by the significance of the phenomenon being described both for Russian society and for the societies of the host countries. In this context, Armenia also appears as a typical example. At the same time, given the “youth” of the problem, which has acquired serious proportions only since 2022, there are very few scientific publications on it, and the topic of our research did not come into the focus of the historian’s attention at all. This leads to a greater focus of this work on sources, which are primarily publications in the media, own surveys and interviews, as well as statistical materials. The specifics of the source base presuppose a focus on methods of content analysis, as well as observation and direct contact with information carriers. The focus of the study also involves the use of a comparative method in assessing the characteristics of relocation against the background of the emigration of Russians to Armenia at the beginning of the 20th century. As a result, the author comes to the conclusion that, despite a number of similar points, modern relocation is a qualitatively new phenomenon, due to both the influence of time and the peculiarities of the psychology of the Russian creative class. The relocants themselves, in turn, are capable of exerting a significant influence on Armenian society..

Keywords: relocation, protest, Armenia, Special military operation, opposition, activism, liberalism, emigration.

Релокация россиян в Армению и ряд других стран (не только постсоветского пространства) за свою двухлетнюю историю значительно изменила социально-экономические реалии принимающих государств. Если раньше Республика Армения (РА) воспринималась как государство эмиграции, откуда ежегодно, причем прежде всего в Россию, выезжали десятки тысяч граждан, то в 2022 г. она, наоборот, стала принимать больше людей, чем выпускать. Прямо или косвенно десятки тысяч российских релокантов повлияли практически на все сферы жизни армянского общества, и исследование явления релокации в Армении напрашивалось еще в 2022 г. Именно тогда за нашим авторством появилось первое научное исследование по данной теме, опубликованное в журнале «Архонт» [Евстратов, 2022]. Для его подготовки использовались прежде всего материалы СМИ, т.к. других источников, а тем более научной литературы, по означенной тематике практически не было. С тех пор релокация россиян в разные страны после начала СВО стала темой нескольких научных публикаций, однако таковых на данный момент все еще немного. Кроме того, ряд таких работ оценивают общие экономические последствия релокации либо центрированы на конкретных сферах экономики, где эти последствия являются наиболее значимыми — например, IT-секторе. Тем не менее, например, исследование Н.В. Казанцевой и В.А. Остапенко «Релокация специалистов из России: масштабы и экономические последствия» [Казанцева, Остапенко, 2023], ориентируясь на экономические вопросы, раскрывает и социальную суть релокации. Из значимых для нашей тематики исследований можно отметить те, которые касаются психологических аспектов явления — статью А.В. Атанесяна о восприятии русских релокантов армянской молодежью [Атанесян, 2023], а также работу Л.Л. Хоперской «Феномен релокации («трусливой миграции») из России...» [Хоперская, 2023]. Последняя, несмотря на то что написана на материалах Кыргызстана, раскрывает ряд общих моментов, связанных с ценностными ориентирами русских релокантов, их образом жизни и основными проблемами. Кроме того, явлению релокации посвящен ряд публикаций по другим странам. В частности, несколько значимых работ написано по релокации граждан РФ в Монголию [Ардельянова, 2023; Бредихин 2024]. Впрочем, на наше исследование, учитывая его специфику, они оказали косвенное влияние.

Незначительная научная разработанность проблемы обусловила приоритетное обращение автора к источниковому материалу — тоже, впрочем, достаточно специфическому. В основном это публикации средств массовой информации, работа с которыми велась методом контент-анализа. Ввиду политизированности и тенденциозности большинства материалов такого рода особое внимание необходимо было обращать на критику источника. Особенно это касается российских СМИ, объявленных ино-агентами и работающих в настоящее время из-за рубежа. Более объективны в этом смысле публикации армянских медиа, не вовлеченных напрямую в политические процессы в РФ. Тем не менее и они требуют внимательного отношения. Общей проблемой материалов СМИ является их обзорный, поверхностный характер. Вместе с тем в ряде публикаций наличествует эмпирический, «живой» материал, данные официальной статистики, соцопросы, полезные для настоящего исследования.

Немаловажным методом исследования на настоящий момент выступили непосредственные контакты с носителями информации, в частности профессиональные. Кроме того, оценивая явление релокации на настоящем этапе, мы считаем разумным сравнивать его с эмиграцией россиян в Армению в прошлом. Наиболее характерной «точкой опоры» здесь выступает период Первой республики 1918–1920 гг., когда на ее территории оказалось значительное количество русских, оказавших серьезнейшее влияние на данное государство в самых разных сферах.

Отъезд значительной части молодого, квалифицированного, экономически активного населения – не новое явление в российской истории. Подобное не раз бывало даже в относительно короткий период Новейшего времени – к примеру, после Октябрьской революции 1917 г., а также во время и после крушения СССР в 1991 г. Однако отъезд граждан РФ после начала специальной военной операции на Украине с февраля 2022 г. имеет ряд уникальных особенностей. Даже его название – «релокация», введенное в обиход самими участниками процесса (в противопоставление привычной «эмиграции»), акцентирует внимание на этих особенностях. В частности, важным отличием первого процесса от второго является его ориентация на простую смену места проживания – без изменения образа жизни, встраивания в местное общество и принятия его установок [Евстратов, 2023, с. 88]. Приведем и некоторые другие черты релокации из России после СВО, выделяемые Н.В. Казанцевой и В.А. Остапенко из Московского государственного университета управления: спонтанность данного процесса и самого принятия решения об отъезде его участниками; неравномерность протекания – наибольшая интенсивность в первые месяцы с последующим спадом и даже отъездом значительного числа релокантов на Родину либо в другие страны. При этом имелись локальные всплески – на фоне слухов о «новой мобилизации» и т.п.; вынужденный (либо псевдо-вынужденный) отъезд большинства релокантов при отсутствии у многих из них опыта работы и существования вообще за рубежом, деловых и профессиональных контактов и самого видения своего будущего; превалирующий мотив страха перед мобилизацией и участием в боевых действиях; серьезное влияние на процесс экономических факторов – прежде всего санкций в отношении бизнеса в РФ, вынуждающих его владельцев переносить свои мощности вместе с сотрудниками за границу [Казанцева, Остапенко, 2023, с. 25].

Мы бы добавили к этому списку также и нежелание основного числа релокантов надолго оставаться в местах вынужденного пребывания. Особенно это характерно для россиян, прибывших в государства постсоветского пространства, откуда многие стремятся перебраться в страны Европы (прежде всего ЕС), Азии и Америки либо готовы вернуться на Родину, как только ситуация там станет для них приемлемой.

Применительно к Армении надо отметить, что волна приезжающих сюда с 2022 г. россиян – не первая, однако ее отличия от ситуации 1918–1920 гг. носят определяющий характер. В период Первой республики – в ходе событий Февральской и Октябрьской революций, а также Гражданской войны – на ее территории оказалось

множество русских, однако в массе своей они были офицерами демонтированной императорской армии, оставшимися служить независимой Армении. И если спонтанность прибытия, неравномерность протекания процесса и вынужденный характер отъезда являются общими чертами современной релокации в Армению и эмиграции 1918–1920 гг., то страх и отказ от участия в боевых действиях релокантов настоящего времени кардинально отличает их от русских офицеров, солдат и даже гражданских специалистов Первой республики. Последние не только не уклонялись от мобилизации и не бежали от войны, но и активнейшим образом участвовали в Сардарapatской битве и других важнейших сражениях, спасших армянский народ от продолжения начавшегося еще в 1915 г. геноцида. Нельзя сравнивать и уровень влияния русских эмигрантов начала XX столетия на судьбу Армении со значением русских релокантов для современной Республики Армения – в те годы, к примеру, генерал-майор Евгений Вышинский возглавлял штаб армянской армии, оперативным отделом которого заведовал поручик Нершов, есаул Павел Золотарев командовал Особым армянским кавалерийским полком [Гюльмисарян, 2020], за отношения с правительством Деникина отвечал генерал-майор М.М. Зинкевич [Степанянц, 2023, с. 343], а у истоков армянской боевой авиации стоял подполковник Собецкий – и это не говоря о десятках других обладателей младших, старших и даже высших офицерских званий, занимавших в армии Армении ключевые должности. Ничего подобного, пусть и в других сферах, современные релоканты в Республике Армения не демонстрируют.

Вместе с тем количественно современная российская релокация значительно превышает эмиграцию 1918–1920 гг. В упомянутые годы количество русских эмигрантов (не учтенное, впрочем, до конца) не превышало нескольких сотен (следует отметить, что еще со времен Российской империи здесь проживали представители царской администрации, интеллигенция, а также несколько тысяч русских молочан, многие из которых и после 1918 г. оставались в стране – их мы не можем считать эмигрантами и в данный контекст не включаем). Для сравнения: только за первые месяцы 2022 г. в РА релоцировалось примерно 15 тысяч человек [Сколько россиян приехало в Армению?, 2022], а общий счет идет на десятки тысяч. В СМИ есть и другие данные, по которым количество российских релокантов превышало 50 и даже 100 тысяч человек, но мы позволим себе усомниться в их достоверности ввиду осознания объективных экономических и социальных возможностей Республики Армения принять в течение короткого срока такое количество людей, а также косвенно опираясь на данные о пересечении границы [Евстратов, 2022, с. 86]. Усложняется подсчет тем, что данные по въезжающим гражданам даются на основании их гражданской принадлежности, при этом у многих граждан Республики Армения имеется второе гражданство Российской Федерации и российские паспорта, но такие люди могут не быть релокантами, а пересекать границу по личным или профессиональным причинам. Так, по данным экс-министра экономики Армении Ваана Керобяна, на март 2023 г. с начала СВО границу страны пересекло 114 тысяч граждан РФ, 63 тысячи из них – армяне [Гарегинян, 2024]. Кроме того, такого рода статистика учитывает туристов, сотрудников иностранных компаний и иных

граждан РФ, не имеющих к релокации никакого отношения. Информация по въезду не может быть полной и без учета тех граждан РФ, которые покинули Армению либо сразу же (как транзитную страну), либо спустя некоторое время.

Надо отметить и то, что современные российские релоканты, многие из которых – представители IT-сектора, бизнесмены и инвесторы, перенесли в Армению свои предприятия и их штат, а также валюту, чем, в отличие от эмигрантов начала XX в., оказали влияние на экономику страны. Так, согласно официальной статистике, во многом благодаря релокантам экономический рост в РА в 2022 г. составил 12,6%. После отъезда значительной их части к 2023 г. данный показатель понизился до 7% [Гарегинян, 2024].

Серьезный рост пережила сфера услуг – ресторанный и гостиничный бизнес, туризм, доставка, такси и т.д. Россияне своим массовым для небольшой Армении прибытием повысили цены в местных ресторанах примерно на 20%, а туристический сезон-2022 начался в РА на несколько месяцев раньше запланированного – прямо в феврале. В первые месяцы релокации в Ереване практически отсутствовали свободные номера в гостиницах, отелях и хостелах, и многим вновь прибывшим пришлось расселяться в других городах страны. Прежде всего речь идет о Гюмри и Дилижане, инфраструктура которых также пережила некоторый рост, пусть и не сравнимый с ереванскими показателями [Арутюнян, 2022].

Особую специфику имеют психологические особенности и быт российских релокантов в Армении. Так, абсолютное их большинство не стремится к изучению армянского языка, не готово к интеграции в местное общество и его культуру. По этой причине в Армении достаточно быстро сложилась целая инфраструктура для релокантов – русскоязычные школы и детские сады, развлекательные заведения и т.д. Несмотря на то, что все вышеперечисленное открыто и вполне доступно и для местного населения, основная масса их пользователей – переехавшие после 2022 г. в страну россияне. Фактически, в РА сейчас существует целая ниша бизнеса (в основном – в сфере услуг), ориентированная преимущественно на релокантов.

Все это еще более сегментирует, отделяет приехавших релокантов от местного населения, т.к. у российских и армянских школ и детских садов – разная программа, касающаяся не только языка, но и ценностных установок, взглядов, ориентиров и др. Кроме того, российская (представленная в Армении) и армянская системы среднего образования ориентируют поступающих на продолжение образования в разных высших учебных заведениях.

Впрочем, многие релоканты пользуются русскими классами в армянских школах либо услугами появившихся до 2022 г. частных образовательных учреждений. К примеру, численность учеников русского образовательного центра «Перспектива», в котором работает автор, уже в 2022 г. увеличилась в несколько раз. В последующем рост численности замедлился, причем многим учащимся даже пришлось покинуть страну, однако принципиально на количестве обучающихся это пока не сказалось.

Актуализировался и запрос на русскоязычное высшее образование, и прежде достаточно ценившееся в Армении. Так, если ранее в представляемом нами Российско-Армянском университете (РАУ) наличие студентов неармянского происхождения при их свободном приеме и статусе РАУ как российского вуза было относительно редким явлением, то к настоящему времени их число многократно выросло. Похожая ситуация наблюдается в расположенных в Армении филиалах российских высших учебных заведений – МГУ, РЭУ и др.

Проживание фактически собственными комьюнити, пусть и с достаточно свободным приемом в них местного элемента (с неизменным принятием им взглядов и ценностей комьюнити), проецируется и на медиа-сферу и соцсети. Речь идет об уже десятках групп и пабликов в социальных сетях, иногда закрытых, где релоканты не только общаются, заводят деловые контакты, делятся необходимой актуальной информацией, но и, например, критикуют местные реалии. В основном такой критике подвергаются инфраструктура, сервис, традиции и обычаи, отличные от бытующих в изначальных местах проживания релоцировавшихся россиян. Схожие тенденции проявляются не только в Армении, но и в других странах, принимающих релокантов из РФ. В частности, это подробно описывается в исследовании Л.Л. Хоперской [Хоперская, 2023].

Все вышеперечисленное начисто отсутствовало в 1918–1920 гг. и практически не встречалось в русской белой эмиграции в Европе позже, т.е. также является характерными чертами явления релокации.

Еще одной важной особенностью русского релокантского сообщества в Армении является его политизированность и оппозиционность по отношению к властям РФ, проводимому ими внутри- и внешнеполитическому курсу, и особенно СВО. Даже люди, выехавшие из России по экономическим причинам, в основном являются противниками действующей российской власти и специальной военной операции на Украине. Многие релоцировались в Армению и вследствие ужесточения законодательства в отношении СМИ, присвоения некоторым медиа иноагентского статуса, а иногда и прямого запрета деятельности. Так, в РА появились сотни российских либеральных журналистов, работающих в запрещенных либо признанных в РФ иноагентами изданиях («Настоящее время», «Новая газета», телеканал «Дождь»), сотрудников НКО и ориентированных на позиции США и ЕС фондов, а также политических активистов. Вне сомнения, это самая пассионарная, идеологически и материально мотивированная и враждебно настроенная в отношении официальной Москвы часть российских релокантов. Имеются целые сообщества, нацеленные на антивоенный, феминистский и даже ЛГБТ-активизм [Дериглазова, 2023]. Впрочем, строго говоря, уклонение от мобилизации, являющееся мотивацией основной части уехавших из России граждан после начала СВО, также можно считать формой протеста против проводимой властями РФ политики.

Более того, релоканты из России стремятся перенести свою политическую активность на армянскую почву. Уже в марте 2022 г. ими был организован марш «Нет

войне» и некоторые другие мероприятия помельче. Целый ряд таких акций прямо выражали поддержку Украине. Характерным примером здесь являются пикеты возле памятника Тарасу Шевченко в Ереване [Соколова, 2022].

Интересно, что в протестную акцию вылилось и участие российских релокантов в выборах президента России, организованных в посольстве РФ в Ереване. Поскольку основная их масса голосовала против действующего лидера В. Путина, «победу» на данном участке, одном из немногих в подобном ряду, одержал другой кандидат, Владислав Даванков, с результатом в 49,85% голосов [Мирзаян, 2024].

Вместе с тем, подобные мероприятия также в значительной степени — «для своих». Будучи вполне открытыми и для местного, армянского, контингента, из него они в целом привлекают мало кого, будучи интересными прежде всего самим российским релокантам, проживающим в Армении украинцам и протестно настроенным гражданам некоторых других стран. Несмотря на уменьшение популярности России и ее руководства в армянской среде после падения непризнанной армянской республики Арцах (Нагорный Карабах), а также кризис отношений Армении с ОДКБ, РФ продолжает оставаться союзником Еревана, в РА расположена 102-я российская военная база, а границы страны с Турцией и Ираном охраняют российские пограничники. Кроме того, в армянском обществе живы воспоминания о массовой поддержке украинским обществом азербайджанской агрессии 2020 г. в Нагорном Карабахе. Что же касается СВО, то при ровном (в целом) отношении к нему армянского обывателя, многие армяне все еще надеются на то, что после окончания спецоперации и победы в ней Россия обратит свой взор на Южный Кавказ и «займется» Азербайджаном, реализуя таким образом и армянские национальные интересы. Несмотря на то, что такое мнение после падения Арцаха в 2023 г. стало гораздо менее популярным, оно все еще имеет место.

Если же говорить о взаимоотношениях релокантов с местным населением в целом, то их можно охарактеризовать как доброжелательные, конструктивные и уважительные. Этому способствуют такие факторы, как владение русским языком среди большей части граждан Армении, относительная культурная близость русских и армян — прежде всего благодаря общему советскому прошлому, советскому образованию старшего поколения, популярности в РА русской культуры — как элитарной, так и массовой. Кроме того, многие граждане Армении ранее жили или работали в России, некоторые имеют там родственников, друзей, знакомых, кого-то связывают с РФ позитивные воспоминания. Поэтому зачастую даже пророссийски настроенное местное население не только уважительно относится к релокантам, но и с удовольствием воспринимает творчество артистов, актеров, литераторов, по политическим причинам уехавших из РФ после начала СВО. К примеру, в Ереване с успехом проходили концерты иноагентов Noize MC, Oxxxymiron, группы «Ногу Свело» и др.

И это — на фоне не только озвученных выше позитивных, но и негативных экономических последствий российской релокации для Армении. Так, наплыв россиян повлек за собой значительный рост цен на аренду жилья. В ряде случаев данный

показатель составлял 300–400%. Цены на аренду недвижимости в Ереване поднялись на уровень нью-йоркских и сингапурских [Шакирова, 2022], в относительно престижном районе столицы РА невозможно найти квартиру меньше чем за 800 долларов в месяц [Шакирова, 2022]. Такое значительное повышение цен возмущает многих армян — особенно уроженцев провинции, вынужденных работать в столице, арендуя максимально дешевое жилье [Евстратов, 2022]. Актуализировался вопрос после исхода более чем 100 тысяч человек из Нагорного Карабаха, основная масса которых также расселилась в Ереване. При этом каких-то заметных проявлений недовольства по отношению именно к релокантам до сих пор зафиксировано не было.

Армянское общество — и в царское, и в советское, и в постсоветское, и в настоящее время — демонстрирует исключительную лояльность по отношению к россиянам, что делает Армению, несмотря на ее экономические, инфраструктурные и политические проблемы, невзирая на нерешенные вопросы безопасности границ, скромные размеры и иные негативные моменты, одним из приоритетных направлений релокации россиян.

Впрочем, в настоящее время данное явление демонстрирует отрицательную динамику — релокантов в РА становится меньше. Этому способствует ряд факторов: усложнение экономической деятельности по причине недавнего запрета в стране российской платежной системы «Мир», ограничение работы системы денежных переводов Unistream, получение некоторыми россиянами в Армении виз на въезд в более благополучные в экономическом отношении страны, решение некоторых проблем в России, а также банальная неспособность маленькой и небогатой республики аккумулировать десятки тысяч человек, привыкших к относительно высокому уровню жизни. Отметим, что в Армении еще с 2015 г. созданы преференциальные условия для работников IT-сектора (его предприятия освобождены от налога на прибыль, а подоходный налог с них взимается в размере всего лишь 10% от дохода — при 26% для остальных), но представителям других сфер проживать в РА экономически значительно сложнее. На фоне упомянутых выше цен на аренду жилья, которые за годы релокации практически не снижались, средний уровень зарплат и жизни вообще в стране — на уровне среднего российского региона [Шакирова, 2022]. Более того, рынок труда для релокантов, не обладающих ценными специальными навыками, ограничен — несмотря на практически всеобщее владение армянами русским языком, хотя бы минимальное знание армянского на большинстве рабочих позиций необходимо [Гарегинян, 2022]. Кроме того, документооборот в РА ведется только на армянском языке.

Примечательно, что точных данных по уменьшению числа релокантов в РА также нет — речь идет лишь о косвенных свидетельствах эмпирического характера, а также, например, об уменьшении числа банковских переводов, случаев регистрации бизнеса и открытии счетов [Гарегинян, 2024]. Вместе с тем в СМИ отмечается примечательный факт — релоканты армянского происхождения имеют более выраженную мотивацию остаться в Армении.

Таким образом, несмотря на ряд схожих моментов с эмиграцией прошлого, современные политические, социальные, экономические и технические реалии делают релокацию новым феноменом. Частично это объясняется реалиями времени, частично – особым эмоционально-психологическим климатом, сложившимся в среде российского креативного класса с начала 2000-х гг. Последний предполагает интернациональность и космополитизм, оппозиционность к власти и своеобразное отношение гражданскому долгу и патриотизму. Что же касается армянских реалий, то в РА релоканты из России едут не из-за интереса к данной стране или солидарности с ее политикой, а в основном по соображениям практического характера: возможности говорить на русском языке, дешевым авиабилетам, опции въезжать по внутреннему паспорту РФ, легкости открытия счета и др. Вместе с тем интегрироваться в местное общество релоканты не стремятся и зачастую настороженно относятся к властям РА, союзным РФ. Вместо этого ими создается параллельная образовательная, культурная, социальная и в целом обслуживающая прибывших россиян русскоязычная инфраструктура «для своих». Похожая ситуация и с политической активностью релокантов, которая направлена против властей РФ и в поддержку Украины, но практически не затрагивает местных политических реалий. Все вышеперечисленное, а также ряд созданных релокацией экономических проблем, не мешает армянам – во многом по веками сложившейся инерции – положительно относиться к вновь прибывшим, оказывать им всяческую помощь и содействие. Несмотря на то, что на данный момент количество российских релокантов в Армении уменьшается, они остаются самой крупной по количеству представителей диаспорой в Армении. Такого рода «новая эмиграция» уже оказала значительное влияние на Армению и армянское общество, а в случае проживания на постоянной основе в РА хотя бы некоторых из релоцировавшихся россиян они способны превратиться в устоявшуюся социокультурную и экономическую реалию, значительно изменив привычный ход жизни Армении, прежде всего Армении городской.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Ардальянова А.Ю. Релоканты из России в Монголии: анализ российских и монгольских медиа // *Социальные процессы в Северо-Восточной Азии: современное состояние и тенденции развития*: Сборник научных статей по итогам международного научного семинара, Улан-Батор, 03–05 мая 2023 года. СПб.: Астерион, 2023. С. 9–16.

Арутюнян Л. Почему российские релоканты предпочитают Еревану другие города Армении? URL: <https://am.sputniknews.ru/20220425/pochemu-rossiyskie-relokanty-predpochitayut-erevanu-drugie-goroda-armenii-41256424.html?ysclid=lx0pp437be651929558> (дата обращения – 31.05.2024 г.).

Атанесян А.В. «Русские релоканты» в восприятии молодежи Армении // *Социологические исследования*. 2023. № 6. С. 112–122.

Бредихин А.В. Миграция россиян в Монголию: исторический и социологический аспект // *Народонаселение*. 2024. Т. 27. № 1. С. 153–165.

Гарегинян А. Релокантов в Армении стало меньше: с чем связан отток и как правительство упустило шанс? URL: <https://am.sputniknews.ru/20240203/relokantov-v-armenii-stalo-menshe-s-chem-svyazan-ottok-i-kak-pravitelstvo-upustilo-shans-71690754.html?ysclid=lx0p8hoymp505467224> (дата обращения – 30.05.2024 г.).

Гюльмисарян Р. Борьба за независимость Армении: участие русских офицеров в Сардарapatской битве. URL: <https://dalma.news/ru/borba-za-nezavisimost-armenii-uchastie-russkikh-oficerov-v-sardarapatской-bitve/> (дата обращения – 01.06.2024 г.).

Дериглазова Е. «Сложить всю жизнь в один чемодан»: чем релоканты из России занимаются в Армении. URL: <https://rtvi.com/stories/slozhit-vsyu-zhizn-v-odin-chemodan-chem-relokanty-iz-rossii-zanimayutsya-v-armenii/?ysclid=lx0ph70yhf37976571> (дата обращения – 31.05.2024 г.).

Евстратов А.Г. Релокация россиян в Армению в свете спецоперации РФ на Украине // *Архонт*. 2022. № 3(30). С. 85–90.

Казанцева Н.В., Остапенко В.А. Релокация специалистов из России: масштабы и экономические последствия // *Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России*. 2023. Т. 12. № 2. С. 24–29.

Мирзаян Г. Несмотря на голосование релокантов, Владимир Путин победил в Армении. URL: <https://regnum.ru/article/3875751?ysclid=lx0noiархс48698033> (дата обращения – 02.06.2024 г.).

Степанянц С.М. Участие армян в белом движении // *Армяне юга России: история, культура, общее будущее*: материалы IV Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2023. С. 342–351.

Холперская Л.Л. Феномен релокации («трусливой миграции») из России в условиях специальной военной операции как индикатор отсутствия ценностей патриотизма у части российских граждан // *Патриотизм в современной России в условиях роста угроз национальной безопасности*: материалы научно-практической конференции с международным участием, Ростов-на-Дону, 17–20 февраля 2023 года. Ростов-на-Дону: ЮРИУФ РАНХиГС, 2023. С. 141–148.

Шакирова М. «Толпа фаундеров с квадратными глазами»: как Ереван стал для россиян новой Долиной. URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/460595-tolpa-faunderov-s-kvadratnymi-glazami-kak-erevan-stal-dla-rossian-novoj-dolinoj?ysclid=lx0i3v9r76340634580> (дата обращения – 01.06.2024 г.).

REFERENCES

Ardalyanova A.Yu. Relokanty iz Rossii v Mongolii: analiz rossiyskikh i mongol'skikh media [Relocants from Russia in Mongolia: analysis of Russian and Mongolian media], in *Sotsial'nyye protsessy v Severo-Vostochnoy Azii: sovremennoye sostoyaniye i tendentsii razvitiya*: Sbornik nauchnykh statey po itogam mezhdunarodnogo nauchnogo seminar. Ulan-Bator, 03–05 maya 2023 goda [Social processes in Northeast Asia: current state and development trends: Collection of scientific articles based on the results of the

international scientific seminar, Ulaanbaatar, 03–05 May 2023]. St. Petersburg: Asterion, 2023. Pp. 9–16 (in Russian).

Arutyunyan L. *Pochemu rossiyskiye relokanty predpochitayut Yerevanu drugie goroda Armenii?* [Why do Russian relocants prefer other cities of Armenia to Yerevan?]. Available at: <https://am.sputniknews.ru/20220425/pochemu-rossiyskie-relokanty-predpochitayut-erevanu-drugie-goroda-armenii-41256424.html?ysclid=lx0pp437be651929558> (accessed 31 May 2024).

Atanesyan A.V. «Russkiye relokanty» v vospriyatii molodezhi Armenii [“Russian relocants” in the perception of Armenian youth], in *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2023. No. 6. Pp. 112–122 (in Russian).

Bredikhin A.V. Migratsiya rossiyan v Mongoliyu: istoricheskiy i sotsiologicheskiy aspekt [Migration of Russians to Mongolia: historical and sociological aspect], in *Narodonasele-niye*. 2024. T. 27. No. 1. Pp. 153–165 (in Russian).

Gareginyan A. *Relokantov v Armenii stalo men'she: s chem svyazan ottok, i kak pravitel'stvo upustilo shans?* [There are fewer relocants in Armenia: what is the reason for the outflow, and how did the government miss the chance?]. Available at: <https://am.sputniknews.ru/20240203/relokantov-v-armenii-stalo-menshe-s-chem-svyazan-ottok-i-kak-pravitelstvo-upustilo-shans-71690754.html?ysclid=lx0p8hoymp505467224> (accessed 30 May 2024).

Gyulmisaryan R. *Bor'ba za nezavisimost' Armenii: uchastiye russkikh ofitserov v Sardarapatskoy bitve* [The struggle for the independence of Armenia: the participation of Russian officers in the Battle of Sardarapat]. Available at: <https://dalma.news/ru/borba-zanezavisimost-armenii-uchastie-russkih-oficerov-v-sardarapatskoy-bitve/> (accessed 1 June 2024).

Deriglazova E. «Slozhit' vsyu zhizn' v odin chemodan»: chem relokanty iz Rossii zanimayutsya v Armenii [“Putting your whole life in one suitcase”: what relocants from Russia are doing in Armenia]. Available at: <https://rtvi.com/stories/slozhit-vsyu-zhizn-v-odin-chemodan-chem-relokanty-iz-rossii-zanimayutsya-v-armenii/?ysclid=lx0ph70yh37976571> (accessed 31 May 2024).

Evstratov A.G. Relokatsiya rossiyan v Armeniyu v svete spetsoperatsii RF na Ukraine [Relocation of Russians to Armenia in the light of the special operation of the Russian Federation in Ukraine], in *Archont*. 2022. No. 3(30). Pp. 85–90 (in Russian).

Kazantseva N.V., Ostapenko V.A. Relokatsiya spetsialistov iz Rossii: mashtaby i ekonomicheskiye posledstviya [Relocation of specialists from Russia: scale and economic consequences], in *Upravleniye personalom i intellektual'nymi resursami v Rossii*. 2023. Vol. 12. No. 2. Pp. 24–29 (in Russian).

Mirzayan G. *Nesmotrya na golosovaniye relokantov, Vladimir Putin pobedil v Armenii* [Despite the relocant vote, Vladimir Putin won in Armenia]. Available at: <https://regnum.ru/article/3875751?ysclid=lx0noiapxc48698033> (accessed 02 June 2024).

Stepanyants S.M. Uchastiye armenyan v belom dvizhenii [Participation of Armenians in the white movement], in *Armyane yuga Rossii: istoriya, kul'tura, obshcheye budushcheye: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Armenians of the South of Russia:

history, culture, common future: proceedings of the IV International Scientific Conference]. Rostov-on-Don, 2023. Pp. 342–351 (in Russian).

Khoperskaya L.L. Fenomen relokatsii («truslivoy migratsii») iz Rossii v usloviyakh spetsial'noy voyennoy operatsii kak indikator otsutstviya tsennostey patriotizma u chasti rossiyskikh grazhdan [The phenomenon of relocation (“cowardly migration”) from Russia in the conditions of a special military operation as an indicator of the lack of patriotic values among some Russian citizens], in *Patriotizm v sovremennoj Rossii v usloviyah rosta ugroz nacional'noj bezopasnosti: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem*, Rostov-na-Donu, 17–20 fevralya 2023 goda [Patriotism in modern Russia in the context of growing threats to national security: Materials of a scientific and practical conference with international participation, Rostov-on-Don, February 17–20, 2023]. Rostov-on-Don: YURIUF RANEPА, 2023. Pp. 141–148 (in Russian).

Shakirova M. «Tolpa faunderov s kvadratnymi glazami»: kak Yerevan stal dlya rossiyan novoy Dolinoy [“A crowd of founders with square eyes”: how Yerevan became a new Valley for Russians]. Available at: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/460595-tolpa-faunderov-s-kvadratnymi-glazami-kak-erevan-stal-dla-rossian-novoj-dolinoj?ysclid=lx0i3v9r76340634580> (accessed 01 June 2024).

Статья принята к публикации 03.06.2024